

Санкт-Петербургский государственный университет

Асеева Наталья Андреевна

**Стилистические особенности «иммигрантской литературы»
Швеции в период 2000-2010 годов**

Выпускная квалификационная работа

Направление подготовки 45.04.02 «Лингвистика»

Основная образовательная программа магистратуры ВМ.5624 «Теория и
история языка и языки народов Европы»

Профиль «Лингвистические проблемы скандинавистики и
нидерландистики»

Научный руководитель: к. ф. н., доц. Н. А. Пресс

Рецензент: А. Л. Лупинова

Санкт-Петербург

2017

Содержание

Введение	3
Глава I. Иммигрантская литература Швеции	6
1. Исторические предпосылки формирования иммигрантской литературы.....	6
2. Репрезентация языков и культур в современной Швеции.....	8
3. Понятие «иммигрантской литературы».....	10
4. Тематика произведений иммигрантской литературы.....	14
5. Иммигрантская литература в контексте постколониальной теории.....	22
Глава II. Основные тенденции развития стилистики как науки	31
2.1. Стилистика в отечественном языкознании	31
2.2. Развитие стилистики как науки в Европе и США	33
3. Стилистика в работах шведских исследователей.....	37
4. Подход к изучению стилистических особенностей иммигрантской литературы.....	42
Глава III. Особенности мультиэтнического языка молодёжи и интерязыка в произведениях иммигрантской литературы	44
3.1.1. Мультиэтнический язык молодёжи: проблемы терминологии в отношении языка мигрантов	44

2.	История изучения вариантов шведского языка в мультикультурных районах.....	45
3.	Предпосылки возникновения мультиэтнического языка молодёжи и его определение.....	46
4.	Мотивы употребления.....	48
5.	Фонетические и просодические особенности.....	50
6.	Лексические особенности.....	52
7.	Сленг.....	52
8.	Особенности фразеологии.....	61
9.	Особенности грамматики.....	65
10.	Особенности синтаксиса: прямой порядок слов.....	66
11.	Переключение кодов.....	71
2.	Лингвистические особенности интерязыкового варианта шведского языка.....	74

Глава IV. Особенности разговорного стиля в произведениях иммигрантской литературы.....79

4.1.	Общая характеристика разговорного стиля.....	79
2.	Фонетические особенности.....	81
3.	Лексические особенности.....	82
4.	Сленг.....	83
5.	Ругательства.....	89
6.	Прагматические частицы в разговорном языке молодёжи.....	94
7.	Особенности грамматики.....	97
8.	Особенности синтаксиса.....	98

Заключение.....103

Приложение.....109

Список литературы.....111

Введение

В течение последних лет произведения иммигрантской литературы приобрели в Швеции широкую известность, а их язык стал предметом обсуждения как среди читателей, так и различных исследователей и лингвистов. Стиль данных произведений обладает рядом специфических особенностей, уникальное сочетание которых делает её крайне интересным объектом для изучения и анализа.

Объектом исследования в данной диссертации являются стилистические особенности иммигрантской литературы Швеции периода 2000-2010 гг. В качестве предмета исследования были выбраны особенности мультиэтнического языка молодёжи, интерязыка и разговорного стиля, нашедшие отражение в произведениях шведской литературы данного периода.

В качестве материала для исследования были отобраны следующие произведения, относящиеся к иммигрантской литературе Швеции: «На красном глазу» Ю. Х. Кемири, «В своих мыслях» А. Л. Венгера, «Застывшие» Х. Л. Саттарванди и «Называйте, как хотите» М. Бахтиари.

Цель диссертации заключается в определении характерных для данного периода стилистических черт и приёмов, которыми пользуются авторы изучаемых произведений. Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи:

- 1) Рассмотреть исторические предпосылки формирования иммигрантской литературы в Швеции.
- 2) Сформулировать понятие иммигрантской литературы и определить её основные критерии и темы.
- 3) Рассмотреть иммигрантскую литературу Швеции в контексте постколониальной теории.

- 4) Обозначить основные тенденции в развитии стилистики как науки в России и за рубежом, определить метод стилистического анализа изучаемого материала.
- 5) Охарактеризовать мультиэтнический язык молодёжи с точки зрения терминологии, предпосылок формирования и мотивов употребления. Описать его основные особенности в области фонетики, лексики, грамматики и синтаксиса, нашедшие отражение в произведениях иммигрантской литературы изучаемого периода.
- 6) Рассмотреть грамматические, синтаксические и лексические особенности интерязыкового варианта шведского языка, используемого авторами анализируемых произведений.
- 7) Охарактеризовать присутствующие в иммигрантской литературе особенности разговорного стиля шведского языка в области фонетики, лексики, грамматики и синтаксиса.

Подход к изучению стилистических особенностей анализируемых произведений был выбран в соответствии с современными тенденциями развития стилистики как науки, которая носит междисциплинарный характер и фокусируется не только на лингвистических, но и исторических, социологических, психологических и культурологических аспектах изучаемого материала.

В качестве теоретической основы для анализа материала были отобраны работы современных исследователей в области иммигрантской литературы (С. Грёндаль, Л. Венделиус и др.), постколониальной теории (К. Эрикссон, М. Эрикссон Бааз, Х. Тёрн, Э. Саид и др.), стилистики (М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева, В. А. Салимовский, Н. Каупланд, У. Лабов, А. Белл, Б. Лильестранд, П. Кассирер, Г. Видмарк и др.) и шведского языкознания (У. Телеман, А. М. Висельгрэн, У.-Б. Котсинас, П. Фрёберг, Л. Г. Андерссон и др.). Основным источником информации об особенностях мультиэтнического языка молодёжи стал проект «Язык и его употребление среди молодёжи в

многоязычных районах крупных городов» (2001 – 2006 гг.), участие в котором приняли пятнадцать шведских исследователей.

На сегодняшний день ни в Швеции, ни в России не существует обширных трудов в области стилистических особенностей шведской иммигрантской литературы, что позволяет говорить о теоретической и практической значимости данной диссертации.

Результаты исследований в области мультиэтнического языка молодёжи могут служить источником информации о тех вариантах шведского языка, на которых говорят иммигранты, проживающие в мультикультурных районах крупных шведских городов. Описание лексических, грамматических и синтаксических особенностей мультиэтнического языка не только расширяет представление о нём, но и снимает определённые стереотипы в отношении языка иммигрантов.

Анализ лингвистических особенностей разговорного стиля может служить источником материала для изучения специфики шведского разговорного языка периода начала XXI в. и его отражения в литературе.

Последовательная характеристика основных аспектов иммигрантской литературы также позволяет использовать данную диссертацию в качестве источника информации в курсах по литературоведению и стилистике.

Настоящая работа состоит из четырёх глав, первая из которых посвящена историческим предпосылкам формирования иммигрантской литературы, определению её основных тем и критериев, а также взаимосвязи с постколониальной теорией. Предметом второй главы является рассмотрение стилистики как научной дисциплины и выбор подхода к изучению выделенных стилистических особенностей иммигрантской литературы. В третьей главе рассматриваются различные особенности мультиэтнического языка молодёжи и интерязыка и их отражение в литературных произведениях. Предметом четвёртой главы является разговорный стиль и его лингвистические характеристики, используемые авторами изучаемых произведений.

Глава I

Иммигрантская литература Швеции

1. Исторические предпосылки формирования иммигрантской литературы

Процессы глобализации и иммиграции после Второй мировой войны привели к формированию принципиально новых идентичностей внутри относительно гомогенных национальных культур. Иммиграционные потоки в Швецию в период 1940-2010-х гг. можно условно разделить на четыре части:

- 1) Иммиграция, связанная со Второй мировой войной (1939-1945 гг.);
- 2) Иммиграция рабочей силы в первые послевоенные десятилетия из стран Центральной и Южной Европы, Латинской Америки, Африки, Азии;
- 3) Приток беженцев начиная с 1970-1980-х гг. из стран Ближнего Востока, Африки, Ирана, Ирака и др.
- 4) Так называемый «миграционный кризис в Европе» в 2015-2016 гг., приток беженцев, прежде всего, из Сирии.

В связи со Второй мировой войной Швеция приняла достаточно большое количество беженцев из Финляндии и стран Скандинавии и Балтики. После окончания войны многие, в частности, финны, вернулись на родину, однако были и те, кто принял решение остаться. Благодаря нейтралитету, соблюдаемому страной в годы Второй мировой войны, а также торговым отношениям с Германией экономика Швеции по сравнению с другими европейскими странами находилась на достаточно высоком уровне. Результатом этого стал рост иммиграции рабочей силы, наблюдаемый в первые послевоенные десятилетия. Её пик пришёлся на 1960 – начало 1970-х гг. Большинство иммигрантов прибыло в страну из Турции, Греции, Италии и Югославии, поскольку в Швеции ощущалась острая нехватка дешёвой

рабочей силы. Впоследствии многие из этих трудовых мигрантов остались в стране на постоянное место жительства и перевезли в неё свои семьи.

Период 1960-1970-х гг. в Швеции иногда называют «рекордным»: это время бурного развития экономики и промышленности, роста объемов производства, стабильной валюты и эффективного государственного управления. Показательной для данного периода является так называемая «Программа миллион», осуществлённая с 1965 по 1975 гг., цель которой заключалась в устранении нехватки жилья в городах и предоставлении более комфортных жилищных условий. В каждом новом районе планировалось создание развитой инфраструктуры, постройка поликлиник, школы, общественных центров и т.д. В рамках «Программы миллион» было построено чуть более 1 000 000 единиц жилья.

Во второй половине 1970-х гг. экономика Швеции постепенно пошла на спад, что было связано, в частности, с нефтяным кризисом 1973 г. Спрос на рабочую силу уменьшился, а большинство иммигрантов данного периода были родственниками ранее переехавших в Швецию рабочих. В страну также продолжали иммигрировать граждане других Северных стран, поскольку они имели право остаться в Швеции без подтверждения необходимости в их труде.

Восьмидесятые годы XX в. являются для Швеции периодом начала роста притока беженцев из таких стран, как Иран, Ирак, Ливан, Сирия, Турция, Эритрея, и Сомали.

В связи с окончанием в 1990-е гг. войн в Ливане и Эритрее, а также войны между Ираном и Ираком, количество беженцев из этих стран начало постепенно уменьшаться. Однако гражданская война и распад Югославии привели к огромным потокам беженцев, в результате чего Швецию прибыло около 100 000 граждан бывшей Югославии, большинство из которых были боснийцами.¹

¹ Migrationsverket, Historik / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.migrationsverket.se/Om-Migrationsverket/Fakta-om-migration/Historik.html> / дата обращения: 01.05.2017.

В 1995 г. Швеция стала страной-членом Европейского союза, а в 2001 – Шенгенского соглашения. В 1999 г. ЕС начал разрабатывать общую политику в отношении мигрантов и беженцев, а в 1997 г. ввёл ограничения на воссоединение семей. Результатом образования Шенгенской зоны стали увеличившиеся потоки граждан из других европейских стран.

В связи с миграционным кризисом в Европе в 2015 г. об убежище в Швеции попросили 162 877 человек, большинство из которых (51 338) бежали из Сирии.² Результатом данного кризиса стала разработка государством трёхгодичной программы по уменьшению количества решений о предоставлении убежища и выдаче вида на жительство.

2. Репрезентация языков и культур в современной Швеции

В результате обширных волн иммиграции и притока беженцев в Швецию начиная с сороковых годов XX в. в стране на сегодняшний день проживает значительное количество представителей различных языков и культур со всего мира.

Как отмечает М. Паркваль в своей работе «Языки Швеции – кто говорит на чём и где?», официальных статистических данных в отношении количества языков, на которых говорят в Швеции, не существует, однако источником для этого могут служить данные о количестве рождённых за границей, домашних (обиходных) языках учеников начальной школы, родном языке учащихся на курсах шведского языка для мигрантов и родном языке людей, запрашивающих в Швеции убежище.³

Помимо шведского и тех языков, на которых говорят представители официально признанных национальных меньшинств: шведские финны (финский), саамы (саамский), цыгане (романи), евреи (идиш) и турнедалские финны (меянкиели), в Швеции существует огромное

² Ibid, дата обращения: 01.05.2017.

³ Parkvall M. Sveriges språk – vem talar vad och var? Stockholm: Institutionen för lingvistik, Stockholms universitet, 2009. S. 81.

количество языков, носителями которых являются иммигранты в первом и втором поколении. По состоянию на 2009 г. на четырнадцать самых крупных языках (каждый из которых имеет более 25 000 носителей) говорило приблизительно 810 000 человек, что составляло 9% населения Швеции. К их числу можно прибавить ещё около 100 языков, каждый из которых имеет минимум 200 носителей. Без учёта финского языка в 2009 г. в Швеции проживало около 1 100 000 носителей какого-либо иного языка, кроме шведского.⁴

К четырнадцати самым крупным иммигрантским языкам Швеции относятся следующие:

- 1) Объединяемые многими исследователями в одну группу сербский, хорватский и боснийский, занимающие второе место после финского. Имеют около 113 000 носителей, что составляет более 1% населения Швеции. Часть из них прибыла в ходе иммиграции рабочей силы в 1960-1970-х гг., а часть в 1990-е гг. после распада Югославии.
- 2) Арабский: 93 000 носителей, более 1% населения. В основном из Ирака, Ливана, Сирии, Марокко и Туниса. Многие носители были рождены уже в Швеции.
- 3) Курдский: около 66 000 носителей. Точную статистику вывести сложно по причине отсутствия у курдов национального государства, а также потому, что Швеция не регистрирует этническую принадлежность. В основном выходцы из Ирака, Турции, Сирии и Ирана.
- 4) Испанский: 65 000 носителей. Иммигранты и их потомки из Чили, Перу, Колумбии, Испании, Аргентины, Уругвая и т.д.
- 5) Немецкий: самая ранняя крупная группа иммигрантов на территории Швеции, около 64 000 носителей, в основном из Германии, Австрии и Швейцарии.

⁴ Parkvall M. Op. cit. S. 90.

- 6) Фарси: 59 000 носителей, бывшие граждане Ирана и Афганистана.
 - 7) Норвежский: 56 000 носителей, в основном на границе с Норвегией.
 - 8) Датский: 54 000 носителей, в основном проживающих в Сконе.
 - 9) Польский: 49 000 носителей.
 - 10) Албанский: 49 000 носителей, большинство из стран бывшей Югославии, прежде всего Косово.
 - 11) Английский: в основном иммигранты из Великобритании, а также Америки, Австралии и Канады, около 44 000 носителей.
 - 12) Арамейский (современный ассирийский язык): сложности в подсчётах по причине отсутствия национального государства и информации об этнической принадлежности, около 36 000 носителей.
 - 13) Турецкий: 34 000 носителей, многие из которых рождены на территории Швеции.
 - 14) Сомалийский: иммигранты из Эфиопии, в основном прибывшие в 1990-х гг., около 25 000 носителей.⁵
- И др.

3. Понятие «иммигрантской литературы»

Как отмечает в своей статье «От «мультикультурной» к «мультиязыковой» литературе?» С. Грёндаль, работы Х. Мюссенера («Изгнание в Швеции: политическая и культурная эмиграция после 1933 г.», 1974 г.) и М.-Л. Пюннёнен («Последствия иммиграции. Исследования в области финской литературы в Швеции 1956-1988 гг.», 1991) являются единственными обширными трудами об иммигрантской литературе Скандинавии, изданными в XX в., однако в течение последних десятилетий интерес к литературе мигрантов и национальных меньшинств в странах Северной Европы неуклонно растёт.

⁵ Parkvall M. Op. cit. S. 90-96.

Литература иммигрантов и национальных меньшинств зародилась в Швеции приблизительно в шестидесятых-семидесятых годах XX в. В 1975 г. шведским правительством были определены цели для формирования будущей политики в отношении иммигрантов и национальных меньшинств, базовыми понятиями которой стали равенство, свобода выбора и сотрудничество.⁶ Таким образом, государственная стратегия, ранее заключающаяся в стремлении к ассимиляции соответствующих групп населения, уступила место новой политике, при которой представители национальных меньшинств и иммигранты получили возможность сохранить свою культуру и язык при активной поддержке государства.

В 1976 г. вышло постановление, обязавшее школы организовать изучение родного языка для учеников, не являвшихся носителями шведского. С 1978 г. Совет по культуре начал финансово поддерживать издание литературы на языках иммигрантов и национальных меньшинств. Расцвет литературы данных групп населения в 1970-х гг. был также связан с ростом популярности творчества постколониальных и афро-американских авторов, средств массовой информации и появлением различных культурных объединений иммигрантов и национальных меньшинств. Уже в течение нескольких десятков лет в Швеции существуют издательства, выпускающие и распространяющие литературу на множестве языков.

Согласно базе данных «Шведского союза писателей-иммигрантов», основанного в 1974 г., число шведских авторов, относящихся к данной категории, к 2015 г. достигало более полутора тысяч человек.⁷ В список вошли все известные «Институту изучения иммиграции» писатели, рождённые за пределами Швеции, в независимости от того, на каком языке

⁶ Sveriges Riksdag, Regeringens proposition nr 26 år 1975 (Prop. 1975: 26) / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/proposition/regeringens-proposition-om-riktlinjer-for_FY0326/html / дата обращения: 25.04.2017.

⁷ Författare i Sverige med utländsk bakgrund, Immigrant-institutet / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.immi.se/kultur/authors/> / дата обращения: 24.04.2017.

они пишут или в какой стране публикуются, а также авторы, по крайней мере один из родителей которых рождён за границей.

Как справедливо отмечает в своей статье «Иммигрантская литература и литература национальных меньшинств в Швеции. От предпосылок к перспективам на будущее» С. Грёндаль, термин «иммигрантская литература» до сих пор является довольно противоречивым и неоднозначным. Некоторыми писателями и исследователями он может восприниматься как создающий некую сегрегацию или даже уничижительный, однако, с другой стороны, создание подобных категорий расширяет возможности для критического анализа и толкования соответствующих произведений.

В шведском литературоведении творчество писателей, представляющих национальные меньшинства или иммигрантов, как правило, описывается в разделах под названием «Новые шведы» или «Иммигрантская литература». Подобную классификацию можно наблюдать в таких авторитетных изданиях, как, например, «Шведская литература» Л. Лённрута или «История литературы в Швеции» И. Альгулина и Б. Ульссона. Такие критерии, как язык, тема и место издания произведения, а также особенности биографии писателя часто используются в данном контексте как определяющие. Однако при классифицировании литературы, основанном на дихотомии большинства и меньшинства, возникает опасность их необоснованного противопоставления, а также слишком генерализированного описания литературы последнего. Данная проблема свидетельствует о необходимости более детальной разработки критериев и понятий для анализа творчества иммигрантов и национальных меньшинств.

На сегодняшний день в Швеции существует большое количество организаций, занимающихся вопросами культуры различных групп иммигрантов и национальных меньшинств. Так, в сферу деятельности основанного в 1973 г. «Института изучения иммиграции» входит сбор и распространение информации о литературе, культуре и искусстве соответствующих групп населения. Один из основателей данной

организации, шведский деятель культуры и писатель М. Бенито, на ежегодной конференции «Союза по изучению международной миграции и этнических отношений» в 1995 г. в Лунде предложил критерий для отнесения творчества того или иного писателя к течению иммигрантской литературы или литературы национальных меньшинств.

Согласно Бенито, определяющим фактором в данном случае может являться то, насколько значимой для читателя является этническая принадлежность автора в процессе восприятия его произведения. На связь между происхождением писателя и тематикой его творчества как основной критерий классификации также указывает в своей работе «Двойная идентичность. Иммигрантская литература и литература национальных меньшинств на шведском языке в 1970-2000 гг.» Л. Венделиус.

К. Коукоулис, в свою очередь, использует в статье «В погоне за золотым руном. Вопросы эмиграции и идентичности в творчестве шведско-греческих писателей» соотношение основных тем произведения с проблематикой иммиграции в качестве базового критерия.

Таким образом, наиболее целесообразным в данной диссертации представляется применение следующих критериев для отнесения того или иного шведского произведения к иммигрантской литературе:

- 1) Значимость происхождения и особенностей биографии писателя для читателя в процессе восприятия его творчества;
- 2) Актуализация в произведении тем, относящихся к проблематике иммиграции.

Краткие сведения об авторах и содержании выбранных для анализа произведений содержатся в приложении к данной работе.

4. Тематика произведений иммигрантской литературы

Отсутствие общей исторической памяти и культуры может вызывать у человека чувство глубокого отчуждения, которое так часто испытывают герои иммигрантской литературы. Они нередко рассуждают о трудностях, связанных с попытками приспособиться к новой жизни и обществу, которое их недооценивает, что неизбежно приводит к раздражению и разочарованию.

Героиня романа М. Бахтиари «Называйте, как хотите» Пантэа имеет образование в области ядерной физики, однако в связи с дипломом иностранного образца и недостаточным уровнем владения шведским языком ей отказывают в работе в университете и предлагают пройти курсы для устройства в детский сад. После неудачной попытки открыть магазин иранской литературы, муж Пантэи Амир покупает пиццерию, а в конце повествования продаёт её и устраивается на работу таксистом. Герою романа Ю. Х. Кемири «На красном глазу» Нурдину никак не удаётся получить в Швеции роль в кино или в театре.

Тоска по родине и рассуждения о её культуре, традициях, языке и т.д. неизбежно находят отражение в произведениях писателей-иммигрантов. Герои с горечью вспоминают о членах семьи и друзьях, оставшихся на родине, некоторых из них нередко посещают мысли о правильности своего выбора или даже о возвращении назад. Многие из них испытывают ощущение двух разных «я» – на родине и в новой стране, что приводит постоянным переходам между прошлым и настоящим в структуре повествования.

В произведениях, относящихся к данному течению в литературе, можно встретить отсылки к значимым историческим событиям или личностям, временам процветания в родной стране героев. Так, отец главной героини вышеупомянутого романа М. Бахтиари Амир пытается узнать у учителя дочери, почему в школе не изучают историю Персидской империи и Ирана, которой он очень гордится, и дарит друзьям семьи произведения иранского искусства. Бахтиари пишет о том, что Амир, как и многие эмигрировавшие иранцы, ищет любую возможность для того, чтобы поговорить о родной

истории и культуре и рассказать о ней тем, кто ничего не знает об Иране, однако зачастую данная тема не вызывает у его собеседников никакого интереса.

Как отмечает в своей статье «Иммигрантская литература и литература национальных меньшинств в Швеции. От предпосылок к перспективам на будущее» С. Грэндаль, описания трагических событий в истории родной страны также выполняют в произведениях соответствующих авторов историографическую функцию. Подобным образом писатели реконструируют историю своего народа и его коллективную память в той стране, в которую эмигрировали.

Как отмечает в своей работе «Двойная идентичность. Иммигрантская литература и литература национальных меньшинств на шведском языке в 1970-2000 гг.» Л. Венделиус, иногда взгляд на историю родины со стороны помогает писателям осмыслить её критически и описать определённые негативные моменты. Однако в некоторых произведениях иммигрантской литературы можно обнаружить и обратную тенденцию, выражающуюся в некой романтизации и мифологизации прошлого. В случае с писателями, представляющими второе поколение иммигрантов, данная тенденция может отражаться, в частности, в конфликтах молодых героев с родителями, которые, в отличие от их детей, пережили на родине те или иные события, заставившие их эмигрировать в Швецию.

Герои произведений иммигрантской литературы могут испытывать чувство благодарности за то, что они получили убежище и поддержку в новой стране, либо наоборот, критиковать её обычаи и нормы или жаловаться на неэффективность интеграционной политики. Так, герой романа «На красном глазу» Отман пытается объяснить своему сыну, насколько безопасной и комфортной является жизнь в Швеции по сравнению с другими странами, однако Халим, не имеющий за плечами иного опыта, реагирует на попытки отца поговорить с ним об этом негативно. Героиня романа М. Бахтиари Бахар практически ничего не помнит о своём детстве в Иране и

потому не может до конца понять, из-за чего её родители эмигрировали в Швецию.

Темы столкновения различных культур и изучения языка являются сквозными для многих произведений писателей-иммигрантов и представителей национальных меньшинств. Они могут отражаться в форме описаний профессиональной или школьной жизни героев, их рассуждений о местных обычаях, судьбах родного языка и культуры в новой стране, а также беспокойства, вызванного тем, что представители так называемого второго поколения иммигрантов имеют несколько иное мировоззрение и взгляды, чем их родители. Подобные конфликты возникают, в частности, между героиней романа «Называйте, как хотите» Бахар, её братом Шервином и их родителями, которым кажется, что дети не испытывают гордость за историю и культуру родной страны.

Важное место в произведениях иммигрантской литературы занимают попытки героя осознать свою идентичность. В данном контексте представители иммигрантов первого и второго поколения могут занимать различные позиции. Так, родители героев, эмигрировавшие во взрослом возрасте, как правило не испытывают чувство неопределённости в отношении своей уже сформировавшейся идентичности, однако представители нового поколения могут ощущать её двойственность и необходимость выбора между мировоззрением родителей и того общества, в котором они выросли.

В процессе выстраивания социальных связей герой новеллы А. Л. Венгера «В своих мыслях» Фелипе понимает, что даже его язык меняется в зависимости от круга общения: о жизни в мультикультурном районе он говорит, используя элементы мультиэтнического языка молодёжи, а об учёбе в гимназии в центре Стокгольма употребляя вариант, более близкий к норме разговорного языка.

«Какую бы культуру ребёнок иммигрантов ни выбрал сам, или какую бы культуру ни выбрали для него, он всё равно будет чувствовать себя

«половинчатым». Он не сможет отречься ни от одной из них, поскольку живёт в обеих. Для того, чтобы почувствовать себя «целым», он должен освободиться от влияния родителей и создать собственную идентичность, комбинируя кусочки из обеих систем. Это сложный, но полезный процесс, в ходе которого ребёнок вынужден принимать решения и мотивировать их»⁸, отмечает писательница и журналистка А. Масуи, родители которой иммигрировали в Швецию.

Действительно, в процессе самопознания герои приходят к выводу, что они не должны совершать взаимоисключающий выбор, так как вполне могут объединять в себе черты обеих культур. На примере писателей, эмигрировавших из Греции, К. Коукоулис в своей статье «В погоне за золотым руном. Вопросы эмиграции и идентичности в творчестве шведско-греческих писателей» отмечает, что для иммигрантов первого поколения описания родной страны и её истории играли в произведениях ключевую роль, однако в работах писателей второго поколения данная тема скорее раскрывается через призму поисков персонажами собственной идентичности. Герои таких произведений относительно мало знакомы с греческой культурой, что заставляет их изучить её и занять по отношению к ней определённую позицию. Подобный процесс поиска себя приводит к формированию у героя более сложной идентичности, совмещающей в себе элементы обеих культур.

Главный герой романа Ю. Х. Кемири «На красном глазу» Халим родился в Швеции, однако в связи с тем, что его родители эмигрировали из Марокко, он стремится как можно больше узнать об истории этой страны и научиться писать на арабском языке. Шведская культура и язык не вызывают у Халима подобного интереса, о чём его отец искренне сожалеет. Однако ближе к концу повествования герой прислушивается к мнению отца и понимает, что не стоит смотреть на мир в чёрно-белых красках.

⁸ Masui A. Att odla papaya på Österlen: nitton författare om dubbel kulturell identitet. Stockholm: Rabén Prisma, 1998. S. 9.

Героиня романа М. Бахтиари Бахар начинает носить хиджаб, что вызывает у её родителей удивление и крайнее недовольство, однако спустя некоторое время она понимает, что данный поступок не принёс ей никакого чувства осмысленности, более того, ношение хиджаба оказалось гораздо менее удобным, чем она предполагала.

Герой новеллы А. Л. Венгера «В своих мыслях» Фелипе ощущает двойственность своего существования: после начала учёбы в гимназии в центре Стокгольма его друзья из мультикультурного района, в котором он вырос, обвиняют его в том, что Фелипе стал «слишком хорош» для общения с ними и называют его снобом, поскольку теперь он ходит в гимназию с более «благородными» шведами. Подобная ситуация приводит героя в отчаяние: друзья вынуждают его сделать выбор между ними и новой школой, в которой у Фелипе появилась шведская девушка, что вызывает язвительные насмешки со стороны товарищей.

В своей работе «Двойная идентичность. Иммигрантская литература и литература национальных меньшинств на шведском языке в 1970-2000 гг.» Л. Венделиус указывает на частотность отображения в произведениях писателей-иммигрантов внутреннего конфликта героя, пытающегося сохранить в себе элементы родной культуры и при этом стремящегося создать некий модифицированный вариант собственной идентичности. По замечанию автора, подобные попытки нередко приводят к тому, что герой ощущает себя потерянным и, возможно, даже утрачивает свою культуру, не обретая при этом новую. Понятие целостности личности героя оказывается, таким образом, довольно иллюзорным; при помощи различных символов и образов писатель стремится выразить неудачные попытки протагониста обрести в создавшемся положении гармонию.

Многих героев иммигрантской литературы ни на минуту не покидает чувство отчуждённости и неприкаянности. Расставшись со старой жизнью, они не могут найти себе место в новой и как бы оказываются между двух миров. Через описание тоскующего по родине героя писатель формирует у

читателя определённое представление как о родной стране эмигранта, так и о Швеции. Общество, в котором оказался герой, как правило, описывается авторами весьма неоднозначно. В произведениях иммигрантов первого поколения это может выражаться, с одной стороны, в форме острой критики реалий общества всеобщего благосостояния, а с другой, сожаления об отсутствии развитых социальных институтов в родной стране.

Зачастую именно в описании встреч героев с бюрократической стороной Швеции писатели заостряют внимание читателя на абсолютно безразличном и холодном отношении её представителей к человеку, нуждающемуся в помощи. Это могут быть встречи с сотрудниками образовательных учреждений или биржи труда, социальными работниками, врачами, представителями миграционной службы и т.д. Типичными для иммигрантской литературы являются сцены, построенные на контрасте между несчастным героем, оказавшимся в сложном положении, и безучастным, «холодным» бюрократом, которого совершенно не волнует судьба обратившегося к нему человека. В своём романе «Последняя зима предателя» (1989) Р. В. Диас пишет о том, что шведы ведут скрытную, анонимную и абсолютно недоступную жизнь; сотрудница биржи труда в романе М. Бахтиари «Называйте, как хотите» улыбается и смотрит на часы, отказывая героине в работе по специальности и говоря, что её образование и опыт работы не имеют в Швеции никакого значения; Немо и его друзья в романе «Застывшие» считают, что всё, на что способна биржа труда, это приглашать их на мотивационные встречи, а не давать реальную работу; герой романа «На красном глазу» Халим уверен, что ему несправедливо отказывают в изучении арабского языка в школе, но при этом считают важным обсудить с учениками, какой хлеб стоит подавать в столовой и т.д.

На отсутствие «человечности» указывает в своих романах Р. Торнборг, говоря о том, что каждый считает других людей своими врагами; Х. Юлитало описывает Швецию как капиталистическое общество, в котором рабочие, прежде всего иностранного происхождения, рассматриваются как расходный

материал; Т. Калифатидес в своём романе «Иностранцы» (1970) описывает классический путь иммигранта, прибывшего в то время в Швецию: тяжёлую работу на кухне ресторана.

Таким образом, в иммигрантской литературе часто возникает дихотомия между скандинавским индивидуализмом и свойственным востоку стремлением к единению, что приводит к многочисленным описаниям конфликтов и унижений, через которые проходят герои.

Ещё одним мотивом, характерным для иммигрантской литературы, является тема возвращения эмигранта на родину. В своих произведениях писатели задаются ответом на вопрос о том, что происходит с человеком при возвращении в родную страну, если за столько лет и она, и сам герой уже успели измениться. Проблематика таких романов включает в себя вышеупомянутые механизмы романтизации и мифологизации, свойственные эмигрантам, находящимся далеко за пределами своей родины. Находясь в чужой стране, они склонны идеализировать своё прошлое и мысленно создавать образ некой «воображаемой родины»⁹, в результате чего столкновение с реальностью по возвращении домой может принести им глубокое разочарование.

Зачастую действие иммигрантских романов разворачивается в урбанистической среде. Это могут такие крупные города, как Стокгольм, Гётеборг или Мальмё, а также их окраины, в первую очередь те районы, в которых преобладает иммигрантское население. Таким образом, объектом внимания писателей могут становиться Ринкебю, Тенста (Стокгольм), Русенгорд (Мальмё) и другие районы, построенные в Швеции в рамках «Программы миллион» в период 1965-1975 гг.

Есть ли у авторов какой-либо личный опыт, связанный с подобными городскими окраинами, не всегда известно, однако, как замечает Л. Венделиус, они могут считать своим долгом перенести действие своих

⁹ Wendelius L. Den dubbla identiteten: Immigrant- och minoritetslitteratur på svenska 1970-2000. Uppsala: Centrum för multietnisk forskning, 2002. S. 131.

произведений именно в такие, во многом стигматизированные шведским обществом и СМИ районы. В «Реквиеме по Русенгорду» Г. Р. Да Сильва описывает этот район как бетонную пустыню, полную отчуждения и одиночества; герои романа «Последний свет» Т. Калифатидеса, живущие в Ринкебю, полностью потеряли связь как своим прошлым, так и между собой; в произведении «Смерть комара» К. Куяла характеризует Тенста как район, в котором представители множества различных культур и национальностей не могут найти общий язык.

Действие романов, являющихся предметом анализа данной диссертации, также происходит в районах крупных шведских городов, преимущественно населённых иммигрантами. В начале повествования герой произведения Ю. Х. Кемири Халим вместе с отцом переезжает в более гомогенную с точки зрения населения часть Стокгольма, однако Халим постоянно навещает мультикультурный район, в котором вырос – Шерхольмен. Оттуда же родом и герой романа А. Л. Венгера Фелипе, друзья которого так остро реагируют на то, что его приняли в гимназию в центре Стокгольма. Действие романа Х. Л. Саттарванди происходит в районе Хагалунд, в котором вырос и сам писатель. Переезд героя романа «Называйте, как хотите» Маркуса в мультикультурный район Мальмё вызывает у его дедушки, этнического шведа, крайне отрицательную реакцию.

Таким образом, базовыми понятиями иммигрантской литературы становятся одиночество, сегрегация, тоска по родине, поиск себя и конструирование собственной идентичности, а также различные типы противопоставлений: большинства и меньшинства, иммигранта и бюрократических институтов, безразличия и стремления к единению и т.д.

5. Иммигрантская литература в контексте постколониальной теории

В связи с тем, что на сегодняшний день в литературоведении не существует чётких моделей для анализа произведений иммигрантской

литературы и литературы национальных меньшинств, источником для них нередко становится постколониальная теория.

Наследие империализма и колониальных процессов является неотъемлемой частью современного общества. Начиная с XIX в. европейские державы вели активную колониальную политику, в результате которой к 1914 г. более трёх четвертей территории мира контролировалось европейцами. Несмотря на окончание колониальной эпохи, многие страны до сих пор испытывают на себе её последствия, ставшие предметом изучения постколониальной теории.

Как отмечают в своей статье К. Эрикссон, М. Эрикссон Бааз и Х. Тёрн, наследие колониальной эпохи оказало влияние не только на бывшие колонии, но и те страны, которые формально не участвовали в соответствующих процессах, в том числе Швецию.¹⁰ Несмотря на то, что по сравнению с Великобританией, Францией и Нидерландами влияние Швеции не было столь масштабным, она всё же имела определённые интересы в Вест-Индии и участвовала в работоторговле XVIII-XIX вв. Более того, такие коренные народы Севера, как саамы, эскимосы и фарерцы долго сопротивлялись колонизации со стороны Скандинавских государств, которые, в свою очередь, в разные исторические периоды находились в подчинении друг друга.

Как отмечает в своей статье «Сложность различий» Г. Ч.-Л. Лоу, «постколониальная теория возникла из междисциплинарной области исследований, охватывающей исторические, политические, философские, социальные, культурные и эстетические структуры колониального господства и противостояния; она изучает способы прочтения, теоретизирования, интерпретации и анализа колониального гнёта и его наследия».¹¹ В рамках данной теории исследователи стремятся найти ответы на такие вопросы, как:

¹⁰ Eriksson C., Baaz M. E., Thörn H. Den postkoloniala paradoxen, rasismen och "det mångkulturella samhället". En introduktion till postkolonial teori // Globaliseringens kulturer: den postkoloniala paradoxen, rasismen och det mångkulturella samhället. Nora: Nya Doxa, 1999. S. 17.

¹¹ Low G. C.-L. Introduction: the difficulty of difference // Literary theories: a reader and guide. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1999. P. 463.

- 1) Существуют ли какие-либо общие структуры колониального гнёта;
- 2) Как в специфических ситуациях соотносятся власть и репрезентация;
- 3) Является ли власть тотальной;
- 4) Как снять постколониальные противоречия;
- 5) Является ли официальная история историей представителей власти;
- 6) От чего зависит выражение культурной или национальной идентичности;
- 7) Возможно ли восстановление или создание идентичностей, а также художественных и репрезентативных форм и культур, не определяемых наследием империализма и т.д.

Ключевым моментом в развитии постколониальной теории считается публикация книги Э. Саида «Ориентализм» (1978). В данной работе автор рассуждает о различных способах конструирования образа Востока Западом и показывает, как различные репрезентационные тексты способствовали формированию структур власти, как тесно системы знаний связаны со стратегиями господства и контроля. Согласно Саиду, ориентализм создавал и укреплял образ Запада как доминирующей цивилизации, выступавшей в качестве противоположности Востока. Как отмечают К. Эрикссон, М. Эрикссон Бааз и Х. Тёрн, Западу присваивались такие качества, как рациональность, прогрессивность, демократия и маскулинность, в то время как Восток воспринимался через призму таких понятий, как чувственность, иррациональность, консерватизм, деспотизм и фемининность.¹²

Ещё одной влиятельной фигурой данной теории является Х. Бхабха, разрабатывавший понятия амбивалентности, мимикрии, гибридности и расового фетишизма. Согласно Бхабха, «колониальная мимикрия – это стремление к изменённому, узнаваемому Другому как предмету отличия,

¹² Eriksson C., Baaz M. E., Thörn H. Op. cit. S. 20.

который является практически таким же, но не совсем... Дискурс мимикрии строится вокруг амбивалентности... Она возникает в качестве репрезентации инаковости, которая сама по себе является процессом отрицания. Таким образом, мимикрия – это признак двойной артикуляции; это сложная стратегия преобразования, регулирования и дисциплины, которая «аппроприирует» Другого в процессе визуализации власти»¹³.

Не менее значимыми стали работы Г. Спивак, описывающие так называемую «эпистемологическую жестокость» империализма, роль институциональной власти и элиты, необходимость и одновременно невозможность выступления от лица притесняемых групп. Спивак также рассматривала феминизм в рамках постколониализма, указывая на связь между гендером и расизмом. Согласно исследовательнице, представления о фемининном и маскулинном находят отражение в восприятии колонизируемого общества, которое трактуется Западом в терминах иррациональности, чувственности, телесности и естественности.¹⁴

Книга Ф. Фанона «Чёрная кожа, белые маски» (1952), в которой автор рассматривает положение темнокожих людей в белом обществе с точки зрения психоанализа, также оказала большое влияние на формирование постколониальной теории. В своём труде Фанон описывает чувства зависимости и несоответствия, которые может испытывать темнокожий человек. Утрата собственной культурной идентичности и попытки имитировать культуру колонизатора могут приводить к развитию у него комплекса неполноценности. Фанон рассуждает о возникновении и укоренении расистских стереотипов, формировании культурных идентичностей в рамках глобального общества и возможностях развития альтернативных стратегий, не основывающихся на западных нормах.

¹³ Bhabha H. K. Of mimicry and man: the ambivalence of colonial discourse // *Literary theories: a reader and guide*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1999. P. 475.

¹⁴ Eriksson C., Baaz M. E., Thörn H. Op. cit. S. 23.

Ключевыми понятиями постколониальной теории являются идентичность, репрезентация, амбивалентность, мимикрия, национализм и расизм. В сферу исследования данной теории входит, в частности:

- 1) Взаимосвязь между культурой и империализмом;
- 2) Различные системы бинарных оппозиций в постколониальном пространстве;
- 3) Взаимосвязь между системами власти и знаний;
- 4) Значение языка в процессе конструирования идентичностей, создания различных институтов и формирования политики;
- 5) Конструирование образов представителей маргинализованных групп населения;
- 6) Особенности мимикрии культуры большинства;
- 7) Дихотомия между Западом и Востоком, «цивилизованным европейцем» и Другим и т.д.

Как уже было сказано выше, идентичность является одним из базовых понятий постколониальной теории. Идентичность человека формируется через представления и образы, с которыми он себя идентифицирует, в том числе при помощи таких понятий, как культура, нация или пол. Она предполагает постоянный процесс модификации и конструирования, завершение которого невозможно. Идентичность никогда не стоит рассматривать в отрыве от исторического контекста, а также различных систем знаний и власти.

Несмотря на окончание колониальной эпохи, некоторые характерные для неё процессы имеют место и в современном мире: представитель маргинализованной группы населения может интернализировать элементы культуры большинства, что приводит к формированию двойственного характера идентичности первого. Результатом подобной амбивалентности может стать негативное отношение к самому себе, которое человек также может проецировать и на другие группы населения в форме ненависти к Другому (расизма).

Постколониальная теория исходит из положения о том, что само понятие идентичности предполагает амбивалентность: каждая идентичность одновременно включает и исключает определённые черты, её можно охарактеризовать только через противопоставление. Так, образ «цивилизованного, просвещённого и рационального» европейца невозможен без «варварского, необразованного и иррационального» Другого – представителя колонизируемого народа.¹⁵ Именно поэтому тот, кто подвергает подобную бинарную оппозицию сомнению, представляет собой угрозу колониальному порядку вещей. По замечанию Ф. Фанона, культурные идентичности маргинализированных групп неизбежно формируются колонизатором, одним из главных инструментов которого является создание ощущения ущербности в сознании колонизируемого народа.

Как отмечают К. Эрикссон, М. Эрикссон Бааз и Х. Тёрн, модифицированные формы колониальных стереотипов до сих пор влияют на репрезентацию культурных идентичностей в популярной культуре Запада. Образ Другого трактуется как отклонение от нормы и нечто социально-табуированное, однако при этом он может получать такие положительные характеристики, как естественность, раскрепощённость и экзотичность.

Как отмечает в своей статье «Иммигрантская литература и литература национальных меньшинств в Швеции. От предпосылок к перспективам на будущее» С. Грёндаль, в формировании постколониальной литературы исследователи данной теории традиционно выделяют три фазы:

- 1) Использование «универсальных» эстетических моделей в качестве образцов, создание произведений на языке колонизатора;
- 2) Развитие особых стилистических приёмов, вдохновлённых родной культурой писателя. Это может быть переключение кодов, специфические метафоры, темы или другие черты, отражающие двойственный характер идентичности представителей меньшинства;

¹⁵ Eriksson C., Baaz M. E., Thörn H. Op. cit. S. 34.

3) Сознательное стремление к культурной автономии и формированию особой эстетики, переход к созданию произведений на родном языке.¹⁶

В процессе развития литературы иммигрантов также можно выделить сходные по характеру этапы:

- 1) Период изоляции, создание произведений в рамках литературной традиции родной страны;
- 2) Период организованной писательской деятельности и коллективных публикаций, стремление к более единообразной литературной эстетике;
- 3) Период интеграции, во время которого писатели начинают участвовать в культурной и общественной жизни страны, в которую иммигрировали. Вслед за данным периодом следует успешный переход к созданию произведений на языке большинства.¹⁷

Как постколониальные, так и иммигрантские авторы в разные периоды времени стремятся к созданию произведений на языке большинства и разработке особых стилистических приёмов, а в тематике их творчества можно обнаружить отражение двойственности существования. При этом среди писателей обоих течений существуют те, кто издаёт свои произведения на родном языке.

В силу в некоторой степени сходного положения в обществе в творчестве постколониальных и иммигрантских авторов можно обнаружить ряд общих черт, таких как:

- 1) Мотив двойной идентичности: герои часто существуют между двух миров и пытаются найти баланс между родной культурой и культурой большинства. Некоторые из них пытаются сконструировать альтернативную идентичность, содержащую элементы обеих культур, а

¹⁶ Gröndahl S. Invandrar- och minoritetslitteraturer i Sverige. Från förutsättningar till framtidsutsikter // Litteraturens gränsland: invandrar- och minoritetslitteratur i nordiskt perspektiv. Uppsala: Centrum för multietnisk forskning, 2002. S. 61.

¹⁷ Ibid. S. 62.

кто-то переживает кризис, вызванный решением постоянно подавлять свою реальную идентичность.

2) Дискриминация со стороны различных социальных институтов и учреждений. Так, школа в соответствующих произведениях часто является символом угрозы для родной культуры, языка и истории, а различные бюрократические инстанции – инструментом ущемления прав иммигрантов или национальных меньшинств.

3) Различные виды дихотомии: меньшинства и большинства, центра и периферии, высших и низших слоёв общества и т.д.

4) Описание гибридных форм культуры или языка, возникающих на стыке разных культур.

5) Роль власти в репрезентации маргинализированных групп и др.

Так, героиня романа «Называйте, как хотите» Бахар видит себя представительницей как шведской, так и иранской культуры, а герой романа А. Л. Венгера Фелипе пытается сделать выбор между мультикультурным и шведским обществом. Герой произведения Ю. Х. Кемири противопоставляет себя обществу большинства и видит угрозу своей арабской идентичности в решении школы отказаться от преподавания его родного языка. Герой романа Х. Л. Саттарванди Саладин пытается убедить своих товарищей в том, что средний класс реализует свою власть над представителями мультикультурных районов посредством конструирования их образа в СМИ.

В условиях постколониального общества или страны, в которую писатели иммигрировали, многие из них стремятся сохранить и популяризировать свой родной язык. Выбор языка во многом зависит от того, для какой аудитории пишет автор, а также от того, какое место он занимает в самосознании писателя. Писатели часто сталкиваются с необходимостью сделать выбор между устной традицией родной страны и языком большинства, который, возможно, позволит им получить признание в новом обществе. Как отмечают в своей статье «Постколониальные и этнические исследования в контексте литературы национальных меньшинств Северных

стран» Э. Рантонен и М. Саволаинен, для представителей национальных меньшинств и колонизируемых народов выбор языка может быть выражением их политической позиции и попыткой противостоять угнетению со стороны властных структур.

Иногда выбор в пользу языка большинства может приводить к использованию автором специфических стилистических приёмов с целью придать тексту произведения особый колорит или отразить в нём какие-либо черты своего родного языка. Используя в своих произведениях мультиэтнический язык молодёжи, такие писатели как Ю. Х. Кемири, А. Л. Венгер, Х. Л. Саттарванди и М. Бахтиари не только конструируют в них образец авторского языка, но и знакомят широкий круг читателей с его мультикультурным вариантом. Они не ограничиваются языковой нормой и создают свои тексты с использованием доступных им языков и регистров, что позволяет выделить их произведения в отдельную категорию. Как отмечает в своей статье «Говорить со шведским акцентом, не будучи шведом». Язык и межкультурная литература» С. Грёндаль, «взаимодействие между различными языками и регулирование их статуса по отношению друг к другу отражается как в области культуры, так и в тематике и стилистических приёмах художественной литературы... Использование гибридных форм и создание новых языковых вариантов можно рассматривать как неотъемлемую составляющую способов выражения в постколониальной литературе».¹⁸

Таким образом, сходство в тематике и форме произведений «писателей-иммигрантов» с постколониальными авторами, а также их мотивация и положение в обществе даёт основание рассматривать иммигрантскую литературу Швеции в контексте постколониальной теории.

¹⁸ Gröndahl S. "Att bryta på svenska utan att vara svensk." Språket och den interkulturella litteraturen // Revitalisera mera! En artikelsamling om den språkliga mångfalden i Norden tillägnad Leena Huss. Uppsala: Centrum för multietnisk forskning, Uppsala universitet, 2008. S. 59.

Глава II

Основные тенденции развития стилистики как науки

1. Стилистика в отечественном языкознании

Как указывают в своей работе «Стилистика русского языка» М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева и В. А. Салимовский, стилистика как научная дисциплина начала формироваться приблизительно с 1920-1930-х гг., а одно из её центральных направлений – функциональная стилистика – с середины 1950-х гг. Большой вклад в развитие данной науки в России внесли такие известные языковеды, как И. А. Бодуэн де Куртенэ, Е. Д. Поливанов, М. М. Бахтин, Л. П. Якубинский, В. В. Виноградов, Г. О. Винокур и др.

В своих исследованиях В. В. Виноградов определяет функциональные стили языка и речи как «исторически сложившиеся коммуникативно целесообразные системы средств выражения в различных сферах общения».¹⁹ В качестве объекта изучения стилистики Т. Г. Винокур выделяет закономерности употребления языка обществом. Аналогичной позиции придерживается М. М. Бахтин, говоря о том, что стиль проявляется именно в процессе функционирования языка: «эмоция, оценка, экспрессия чужды слову языка и рождаются только в процессе его живого употребления».²⁰ Согласно Л. В. Щербе, в стилистическую систему литературного языка входят характеристики социальных и иных диалектов, разные формы письменного языка, подразделяющиеся на формы языка художественной литературы и делового языка.²¹

Обобщая традиционные представления о стилистике как науке, М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева и В. А. Салимовский отмечают, что стиль указывает на наиболее типичные средства выражения и характер речи в определённых

¹⁹ Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А. Стилистика русского языка. М.: Флинта: Наука, 2008. С. 28.

²⁰ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 266.

²¹ Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А. Указ. соч. С. 26.

контекстах. Стилистику, таким образом, можно определить как науку о «средствах речевой выразительности и о закономерностях функционирования (употребления) языка, обусловленных наиболее целесообразным использованием в тексте языковых единиц в зависимости от содержания высказывания, целей, ситуации и сферы общения».²²

К основным аспектам стилистики как науки на сегодняшний день можно отнести:

- 1) Стилистику ресурсов, которая изучает стилистически окрашенные средства языка, выразительные возможности и семантико-функциональные оттенки слов, форм, конструкций, а также средства словесной образности.
- 2) Функциональную стилистику, изучающую «закономерности функционирования языка в различных сферах общения, соответствующих тем или иным разновидностям человеческой деятельности, а также речевую системность складывающихся при этом функциональных стилей и иных функционально-стилевых разновидностей, нормы отбора и сочетания в них языковых средств».²³ В числе функциональных стилей традиционно выделяют научный, официально-деловой, публицистический, художественный и разговорно-бытовой.
- 3) Стилистику художественной речи, предметом изучения которой являются стили художественной литературы, а также индивидуальная и художественная речь.
- 4) Стилистику текста, изучающую целый текст в единстве с его идейным содержанием.

²² Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А. Указ. соч. С. 34.

²³ Там же. С. 39.

5) Практическую стилистику, направленную на ознакомление говорящих с нормами функциональных стилей и развитие соответствующих речевых умений.²⁴

Современное значение стиля подразумевает его системность, осознанность и целенаправленность. В процессе развития стилистики как науки всё большее внимание уделялось не только формам реализации стиля, но и изучению таких факторов, как роль реципиента, эффективность общения и характер мышления говорящего, в совокупности оказывающих влияние на выбор лингвистических средств и особенности организации речи.

2. Развитие стилистики как науки в Европе и США

По мере расширения стилистики как самостоятельной дисциплины объектом её исследования становились не только особенности различных функциональных стилей и тропов, но и во многом причины, по которым индивид выбирает те или иные лингвистические средства, его мотивы и цели. Изначально образовавшись как отрасль лингвистики, стилистика постепенно стала междисциплинарной наукой, объединившей в себе такие дисциплины, как социология, антропология, психология, культурология и др. В основе современного подхода к изучению стилей лежит внимание к ситуационному контексту, характеру реципиентов и целям автора, создающего устный или письменный текст. Особое внимание уделяется положению человека в обществе и его стремлению выразить свою идентичность через речь, что, по мнению многих исследователей, является определяющим фактором для выбора тех или иных лингвистических средств.

В связи со спецификой объекта изучения данной диссертации уместным представляется рассмотрение понятия стиля в контексте современных социолингвистических исследований, фокусирующихся на предпосылках создания текста, замысле автора и характере целевой аудитории.

²⁴ Там же. С. 37-43.

Ранние исследования стилистической вариативности (Д. Ван ден Брук, Д. Баух, Д. Хиндл, Д. Рикфорд, Н. Каупланд, 1970-1980 гг.) фокусировались на влиянии на неё конкретного адресата, а также аудитории в целом (А. Белл, 1980-е гг.). Э. Финеган и Д. Бибер (1980-1990 гг.) в качестве определяющих факторов рассматривают в своих работах ситуацию, в рамках которой происходит коммуникация, а также социально-экономическую иерархию. Н. Каупланд (1980-е гг.), в свою очередь, перемещает фокус исследований вариативности на самого говорящего и определяет её как динамическую презентацию индивидом себя. Д. Рикфорд и Ф. МакНейр-Кнокс (1990-е гг.) обращают в своих работах внимание на перформативность и выражение говорящим своей идентичности. Калифорнийский стилистический кружок и П. Экерт (2000-е гг.) исследуют роль вариативности в активном конструировании персональных и групповых стилей.²⁵

Согласно одному из основателей социолингвистики, профессору У. Лабову, стилистическая вариативность создаёт основополагающую связь между индивидом и обществом, между лингвистическим, когнитивным и социальным. В своём исследовании «Социальная стратификация английского языка в Нью-Йорке» (1966) Лабов утверждает, что стилистический выбор говорящего напрямую зависит от его места в социально-экономической иерархии. Рассматривая два её противоположных полюса, Лабов относит более формальную и продуманную речь к сфере «престижного», а более повседневную и неконтролируемую речь – к сфере «стигматизированного».²⁶

В своей статье «Снова в моде: переосмысляя теорию ориентированности на аудиторию» А. Белл (2001) определяет стиль как «то, что говорящий делает со своей речью исходя из окружения»²⁷. Стиль, таким образом, является социальным явлением, ориентированным на других людей.

²⁵ Rickford J. R., Eckert P. Introduction // *Style and sociolinguistic variation*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 2-5.

²⁶ Ibid. P. 2.

²⁷ Bell A. Back in style: reworking audience design // *Style and sociolinguistic variation*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 141.

Согласно теории Белла (англ. *audience design*), изменения в стиле говорящего чаще всего происходят в связи со сменой аудитории. В рамках данной стратегии индивид стремится использовать доступные ему лингвистические ресурсы, чтобы приблизить свой стиль к стилю слушающего.

Иногда в рамках коммуникации можно наблюдать обратное явление, а именно изменение ситуации, вызванное сменой стиля. Белл называет данное явление инициативным изменением стиля (в противоположность ситуационному) и определяет его как творческое использование индивидом лингвистических ресурсов (например, других диалектов или языков). Инициативное изменение стиля может быть использовано с целью говорящего идентифицировать себя с определённой группой: это может быть группа, к которой он принадлежит, или та, с которой говорящий хочет ассоциироваться.

В статье «Стиль и социальное значение» (2001) П. Экерт так же, как и Белл, фокусируется на социальной направленности стиля и определяет его как «скопление лингвистических ресурсов и его соотношение с социальным значением», отмечая его роль в качестве инструмента конструирования говорящим самого себя.²⁸

В своей работе «Стиль: лингвистическая вариативность и идентичность» (2007) Н. Каупланд определяет стиль как неотъемлемую часть любой коммуникации и отождествляет его с термином «регистр». Согласно Каупланду, это «сознательный выбор говорящего..., семантическая организация лингвистических опций с учётом коммуникативных целей или обстоятельств».²⁹ Выбор индивидом тех или иных стилистических компонентов невозможно свести исключительно к экспрессивной функции – каждый говорящий использует определённый социальный стиль для достижения своих целей и актуализации необходимых значений.

²⁸ Eckert P. Style and social meaning // Style and sociolinguistic variation. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 123.

²⁹ Coupland N. Style: language variation and identity. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 13.

Особое внимание в своей работе Каупланд уделяет стилизации, определяя её как «апроприацию и использование речи других индивидов в своих целях»³⁰. Каупланд выделяет следующие критерии, свойственные данному понятию:

- 1) Основывается на известном лингвистическом репертуаре, который не обязательно должен быть представлен полностью.
- 2) Глубоко метафорична. Стилизация актуализирует стереотипные семиотические и идеологические ценности, ассоциируемые с другими группами, ситуациями или временем.
- 3) Рефлексивна, нарочита и осознанна.
- 4) Требует способности аудитории прочесть и оценить семиотическую ценность речи персонажа или жанра.
- 5) Запускает процесс социального сопоставления, а также эстетической и моральной переоценки, сфокусированной на реальных и метафорических идентичностях говорящих, их стратегиях и целях. Данный процесс может переходить в переоценку идентичности, взглядов и ценностей самого реципиента.
- 6) Прерывает существующий ситуационный фрейм и создаёт дополнительный уровень социального контекста, привнося в него новые диссонантные идентичности и ценности.
- 7) Требует творческого подхода, определённых знаний и способностей.
- 8) Поскольку автору нужно обозначить изменение фрейма и акцентировать внимание на диссонантном социальном значении, стилизованные выражения часто могут быть эмфатическими и гиперболизированными реализациями того стиля или жанра, к которому они восходят.

³⁰ Ibid. P. 150.

9) Стилизация может быть проанализирована как стратегическая недостоверность со сложными имплицитными смыслами, относящимися к личной и культурной достоверности вообще.³¹

Действительно, стилизация, которую можно наблюдать, в частности, в рассматриваемых произведениях Ю. Х. Кемири и А. Л. Венгера, включает лишь некоторые элементы мультиэтнического языка молодёжи и интерязыка, которые авторы гиперболизируют с целью акцентировать на них внимание читателя. Обратный порядок слов, который Кемири выбирает в качестве основного стилистического приёма, является в высшей степени стереотипным по отношению к обобщённому варианту шведского языка, на котором говорят иммигранты. При помощи стилизации авторы данных произведений выражают позицию главных героев и раскрывают их идентичность.

Большое количество статей, в которых критики охарактеризовали язык романа «На красном глазу» как «истинно иммигрантский» лишний раз подтверждает то, насколько важной является способность читателя отличить стилизацию от достоверного отражения того или иного кода. Наконец, те стилистические приёмы, которые Кемири и Венгер используют в своих произведениях свидетельствуют о способности писателей сочетать в своём творчестве широкий спектр лингвистических ресурсов и манипулировать ими для достижения определённых целей.

3. Стилистика в работах шведских исследователей

В области шведского языкознания можно наблюдать аналогичную общеевропейской тенденцию уделять всё большее внимание социальным и прагматическим аспектам стилистики. В своих работах исследователи освещают использование авторами различных кодов и приёмов для достижения определённых целей, а также выбор языковых средств с учётом характера целевой аудитории.

³¹ Coupland N. Op. cit. P. 154.

Согласно определению профессора Б. Сёдерберг, стиль – это «то, что мы воспринимаем как типичное для индивида или произведения, свойственное времени или жанру; один из многих способов выразить своё отношение к чему-либо... это восприятие читателем того значения, которое писатель не выразил словами, то, что заложено между строк и должно толковаться при помощи контекста, ситуации и интертекста».³²

По замечанию Б. Лильестранда, различия и вариативность являются основой для того, что мы называем стилем. Любой стиль подразумевает наличие в тексте более или менее регулярно повторяющихся языковых элементов, которые исследователь называет «стилистическими маркерами».³³

Согласно Лильестранду, самый яркий индивидуализм в области стиля можно наблюдать в литературе. Писатели сознательно экспериментируют с языком и ищут тот способ выражения, который больше всего соответствует их замыслу. Они избегают клише, создают новые слова, используют образность и нарушают принятые нормы морфологии и синтаксиса. Так, при помощи нарушения норм шведской грамматики и конструирования новых фразеологизмов и слов Ю. Х. Кемири выражает позицию главного героя произведения, стремящегося выразить свой протест против общества и способность к языковому творчеству.

Такой стилистический приём, как отсутствие знаков препинания, может отражать желание автора создать иллюзию непрерывности хода мыслей героя. В произведении Х. Л. Саттарванди «Застывшие» полностью отсутствуют точки, что позволяет писателю добиться некоего мыслительного континуума, благодаря которому читатель может взглянуть на мир глазами героя и, возможно, идентифицировать себя с ним.

Стиль того или иного литературного произведения формирует, в частности, выбранная автором лексика. В своей работе Лильестранд

³² Söderberg B. Mellan raderna och orden. Om stil, stilistiska inferenser och litterär tolkning // Stilstudier: språkvetare skriver litterär stilistik. Uppsala: Hallgren & Fallgren, 1996. S. 81-82.

³³ Liljestrand B. Språk i text: handbok i stilistik. Lund: Studentlitteratur, 1993. S. 31.

выделяет несколько её полярных типов, определяющих стиль того или иного текста:

- 1) Норма языка или региональные варианты, диалекты.
- 2) Архаизмы или современные лексические единицы.
- 3) Шведские слова или заимствования и иностранная лексика.
- 4) Лексикализованные единицы или неологизмы.
- 5) Официальная или разговорная лексика. Общеупотребительные или диалектальные единицы. Сленг.
- 6) Натуралистическая или романтическая лексика.
- 7) Абстрактные или конкретные выражения.
- 8) Стереотипная лексика или оригинальные, авторские слова.
- 9) Нейтральная или эмоционально-оценочная лексика.³⁴

Авторские неологизмы зачастую могут являться ярким стилистическим приёмом. Согласно Лильестранду, они заключают в себе сложные значения, выражаемые одним словом вместо целой фразы или предложения. Так, изобретённые Кемири слова *tankesultan* (шв. «султан мысли») и *revolutionsblatte* (шв. «понаехавший революционер», от шв. *blatte* – уничижительное наименование по отношению к иммигранту), отражают юношеский максимализм, свойственный герою романа Халиму, который использует данные слова по отношению к самому себе.

Длина абзацев и предложений в произведении также может влиять на его ритм и стиль. В романе Саттарванди «Застывшие» абзацы практически полностью отсутствуют, что придаёт тексту ощущение непрерывности, а в своей новелле «В своих мыслях» Венгер использует короткие, отрывистые фразы для описания происходящего и длинные предложения без точек для передачи мыслей Фелипе на мультиэтническом языке молодёжи. Писатель также отражает регистры, используемые главным героем, при помощи прописных и строчных букв, что позволяет читателю осознать двойственность существования, которую ощущает Фелипе.

³⁴ Liljestrand B. Op. cit. S. 42-46.

Особое внимание Б. Лильестранд уделяет имитации разговорного языка в литературе. Каждый писатель может более или менее последовательно использовать в своём тексте определённую орфографию и морфологию, в различной степени соответствующие «живой» разговорной речи. Так, герои романа М. Бахтиари «Называйте, как хотите» Амир и Пантэа говорят на интерязыковом варианте шведского языка, реальные грамматические и фонетические особенности которого писательница последовательно отображает в их высказываниях. Кемири и Венгер, напротив, прибегают в своих произведениях к гиперболизации особенностей мультиэтнического языка молодёжи, при этом степень гиперболизации в новелле Венгера варьируется в зависимости от душевного состояния главного героя.

В качестве стилистического приёма Бахтиари также использует в своём романе фонетическое написание при передаче речи Бертиля, который говорит на очень выраженном диалекте провинции Сконе: ”*Men jao skulle osså bli förföljd här i Svarje om jao inte höll maj lugn nu!*”³⁵: «И меня бы тоже в Швеции преследовали, не держи я себя в руках!». Данный приём позволяет писательнице подчеркнуть контраст между нормой современного разговорного языка, на которой говорит главная героиня романа Бахар и её сверстники, и классическим шведским диалектом, символизирующим верность традиционным ценностям, свойственную Бертилю.

Как Кемири, так и Бахтиари используют аналогичный стилистический приём для передачи речи героев на арабском и фарси соответственно: в отличие от других, грамматически некорректных высказываний, диалог на этих языках передаётся в соответствии с нормой шведской грамматики.

Согласно П. Кассиреру, выбор писателем повествовательной перспективы также является важным стилистическим фактором, поскольку отношение рассказчика к происходящему, безусловно, имеет огромное

³⁵ Bakhtiari M. Kalla det vad fan du vill. Stockholm: Ordfront, 2012. S. 79.

значение для позиции, которую для себя выбирает читатель.³⁶ Именно поэтому Кемири и Венгер ведут своё повествование от лица главных героев. Благодаря написанию романа «На красном глазу» в форме дневника читатель получает возможность увидеть мир глазами Халима и проникнуться к нему сочувствием и симпатией. Свой дневник герой ведёт на сконструированном автором варианте шведского языка, включающем черты разговорной речи, интерязыка, а также мультиэтнического языка молодёжи, который используют в своей речи молодые люди, проживающие в мультикультурных районах шведских городов.

Как отмечает в своей статье «Манипулировать кодом. Сара Лидман и родной язык» Г. Видмарк, в истории литературы Швеции не существует устоявшейся традиции творчества на диалектальных вариантах шведского языка. В дебютном романе С. Лидман «Смоляная долина» (1953), получившим широкий резонанс в обществе, впервые нашли своё отражение черты диалекта провинции Вестерботтен. В «Смоляной долине» писательница в целом отходит от фонетического написания с целью сделать язык романа более понятным и акцентирует внимание читателя на других частотных диалектальных маркерах – словах и их формах. Большинство примеров диалектальной лексики встречается у С. Лидман при передаче прямой речи героев, что является для читателя сигналом об изменении кода.³⁷

Ещё одним известным шведским писателем, использовавшим в своём творчестве черты диалекта провинции Вестерботтен, был Т. Линдгрэн. По признанию самого писателя, в своих произведениях он использовал особенности синтаксиса данного диалекта, а также большое количество

³⁶ Cassirer P. Stilen är budskapet eller Den medskyldige läsaren. Om Hjalmar Söderbergs ”Pälsen” // Stilstudier: språkvetarer skriver litterär stilistik. Uppsala: Hallgren & Fallgren, 1996. S. 96.

³⁷ Widmark G. Att manipulera koden. Sara Lidman och modersmålet // Stilstudier: språkvetarer skriver litterär stilistik. Uppsala: Hallgren & Fallgren, 1996. S. 47-53.

существительных в определённой форме и глаголов с окончанием множественного числа, не характерных для нормы языка того времени.³⁸

В вышеупомянутой работе Видмарк отмечает, что «в руках писателя отличающиеся от нормы языка коды могут быть исключительным и разносторонним инструментом... и стать значимыми для тех, кто даже не знал об их существовании...».³⁹ Свою статью 1996 г. исследовательница завершает риторическим вопросом, предвосхитившим дальнейшее развитие литературы Швеции: «... в будущем в шведском языке, вероятно, появятся новые коды, которые смогут стать почвой для литературного творчества. Быть может, именно жители Ринкебю или Фиттби подарят нам новых манипуляторов кода, подобных С. Лидман и Т. Линдгрёну?»⁴⁰

4. Подход к изучению стилистических особенностей иммигрантской литературы

Таким образом, исследования в области стилистики начиная с 1950-х гг. прошли путь от раздела прикладной лингвистики к междисциплинарной науке, объединяющей социологию, психологию, лингвистику, культурологию и другие дисциплины. Рассмотрение стилистики с точки зрения механизмов и функций уступило место исследованиям влияния на стиль таких факторов, как контекст, ситуация, положение говорящего в обществе и характер аудитории. Принципиально новым стал более антропоцентрический подход к анализу тех лингвистических ресурсов, которые использует индивид. Внимание современных исследователей стилистики сосредоточено на положении говорящего в обществе, его мотивации и стремлении сконструировать свою речь в соответствии с характером аудитории, а также

³⁸ Andersson K. Mormors röst hör jag tydligast / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://spraktidningen.se/artiklar/2013/06/mormors-rost-hor-jag-tydligast> / дата обращения: 01.05.2017.

³⁹ Widmark G. Op. cit. S.64.

⁴⁰ Ibid. S. 64.

желании выразить свою идентичность и принадлежность к определённой группе через язык.

Данный подход к изучению стилистики представляется уместным применить и в данной работе, поскольку положение писателя в обществе, его замысел и создание художественного текста с учётом особенностей аудитории, несомненно, оказывают влияние как на содержание, так и форму его произведения.

Уникальное сочетание различных стилистических особенностей иммигрантской литературы Швеции делает её крайне интересным объектом для исследования и анализа, поскольку данное направление объединяет в себе приёмы, характерные как для шведской литературы эпохи постмодернизма, так и исключительно для произведений соответствующей группы писателей.

Наиболее полной представляется следующая классификация стилистических особенностей рассматриваемых в данной работе произведений:

- 1) Использование элементов мультиэтнического языка молодёжи (шв. *multietnisk ungdomsspråk*), свойственного молодым людям, которые проживают в крупных городах Швеции в районах с высоким процентом иммигрантского населения.
- 2) Использование особенностей интерязыкового (шв. *interimspråk, inläraarspråk*) варианта шведского языка.
- 3) Использование особенностей нормы шведского разговорного языка, в том числе сленга, ругательств и диалектальных составляющих.
- 4) Использование идиолектов, свойственных исключительно героям рассматриваемых литературных произведений.

Отражение особенностей мультиэтнического языка молодёжи, интерязыка и разговорного стиля в произведениях иммигрантской литературы является объектом изучения третьей и четвёртой глав данной диссертации. По причине использования четырёх различных произведений в

качестве объекта исследования в работе будет использована следующая система сокращений, относящихся к приводимым примерам: Ю. Х. Кемири, «На красном глазу» – К; А. Л. Венгер, «В своих мыслях» – W; М. Бахтиари, «Называйте, как хотите» – В; Х. Л. Саттарванди, «Застывшие» – S.

Глава III

Особенности мультиэтнического языка молодёжи и интерязыка в произведениях иммигрантской литературы

3.1.1. Мультиэтнический язык молодёжи: проблемы терминологии в отношении языка мигрантов

Обобщённый вариант шведского языка, на котором говорят иммигранты в первом и втором поколениях (шв. *invandrarsvenska*), за последние тридцать лет получил в шведской лингвистике множество различных обозначений. Среди его наиболее распространённых наименований можно выделить следующие:

- 1) *Rinkebysvenska*: «ринкебю-шведский», происходит от названия мультикультурного района Ринкебю на окраине Стокгольма.
- 2) *Invandrarsvenska*: иммигрантский шведский.
- 3) *Förortsslang*: сленг городских окраин.
- 4) *Multietnolekt*: мультиэтнолект и т.д.

Существуют также и другие, более неформальные и зачастую имеющие отрицательные коннотации наименования шведского языка мигрантов:

- 1) *Miljonsvenska*: «миллионный шведский», от названия шведской государственной «Программы миллион». Такие районы, как Ринкебю, Тенста или Фитья (Стокгольм) и Русенгорд (Мальмё) относятся к данному периоду застройки и имеют преобладающий процент иммигрантского населения.
- 2) *Betongsvenska*: «бетонный шведский», по аналогии с характером застройки вышеупомянутых районов.
- 3) *Blattesvenska*: от шведского существительного *blatte*, на языке сленга обозначающего темнокожего человека иностранного происхождения.

Поскольку ни одно из вышеперечисленных наименований не является полностью корректным, на данном этапе шведские лингвисты сходятся на

том, что наиболее полно отражающими данный вариант языка являются термины «*multietnisk ungdomsspråk*» – «мультиэтнический язык молодёжи» и «*svenska på mångspråkig grund*» – «шведский на многоязыковой основе».

2. История изучения вариантов шведского языка в мультикультурных районах

За всё время изучения шведского языка иммигрантов изменения претерпевала не только терминология, но и определение данного понятия с его толкованием. Одним из первых лингвистов, изучавших данный феномен, была У.-Б. Котсинас, до сих пор являющаяся одним из крупнейших специалистов в данной области. Именно ей принадлежат многочисленные работы, появившиеся ещё в восьмидесятых годах XX века, полностью или частично посвящённые языку иммигрантов в Швеции: "*Invandrare talar svenska*" («Иммигранты говорят по-шведски», 1985), "*Ungdomsspråk*" («Язык молодёжи», 1994), "*En bok om slang, typ*" («Книжка про сленг, типа», 2003), "*Förortsslang*" («Сленг городских окраин», 2004), "*Invandrarsvenska*" («Шведский язык иммигрантов», 2005) и др.

Однако, несмотря на проделанную Котсинас работу, вплоть до начала двухтысячных годов в шведской лингвистике не существовало ни одного комплексного научного исследования, полностью посвящённого варианту шведского языка, на котором говорят иммигранты. Первым и на сегодняшний день единственным крупномасштабным исследованием данного феномена является проект «Язык и его употребление среди молодёжи в многоязычных районах крупных городов» (шв. "*Språk och språkbruk bland ungdomar i flerspråkiga storstadsmiljöer*"), осуществлённый в период с 2001 по 2006 гг.

В ходе данного проекта исследователи из Стокгольмского, Лундского и Гётеборгского университетов составили обширную базу данных, содержащую устные (более 300 часов) и письменные образцы шведского языка молодёжи из крупных городов Швеции. Информантами стали 222 ученика шведских гимназий, располагающихся в районах Стокгольма,

Мальмё и Гётеборга, наиболее густо населённых иммигрантами. В качестве аудиоматериала в проекте представлены групповые дискуссии и презентации, озвученные участниками перед классом, а также неформальные беседы с друзьями, записанные непосредственно информантами.

Результатом проекта «Язык и его употребление среди молодёжи в многоязычных районах крупных городов» стали многочисленные научные статьи, описывающие фонетические, грамматические и лексические особенности языка молодёжи, и, как следствие, более систематизированное и обширное описание данного варианта шведского языка. Одной из дополнительных целей проекта было сравнение реального мультиэтнического языка молодёжи с его отражением в художественной литературе, а также различные социокультурные аспекты данного феномена.

В качестве исследователей в проекте выступили, в частности, Э. Бийвуэ и К. Фрауруд (Стокгольмский университет); П. Будэн и Л. Экберг (Лундский университет); С. Бойд, Р. Чельстрём, Ю. Прентис (Гроссе) и С. Тингселль (Гётеборгский университет) и др.

3. Предпосылки возникновения мультиэтнического языка молодёжи и его определение

Как уже отмечалось ранее, У.-Б. Котсинас является одним из первых исследователей, уделивших особое внимание шведскому языку иммигрантов. В её работе «Язык молодёжи» (1994) даётся довольно обширное описание предпосылок возникновения данного варианта шведского языка.

Молодые люди иностранного происхождения, проживающие в мультикультурных районах крупных шведских городов, ежедневно сталкиваются с большим количеством вариантов шведского и других языков. Это могут быть родные языки их родителей, языки других иммигрантов, а также многочисленные варианты шведского, представляющие различные степени владения данным языком. Так, молодые люди могут общаться на шведском дома с родителями, для которых он не является вторым родным, с

одноклассниками и друзьями, уровень владения шведским языком которых зачастую зависит от длительности пребывания в стране, а также школьным персоналом, зачастую имеющим иной язык в качестве родного. Согласно Котсинас, контакт с коренными жителями страны, т.е. носителями языковой нормы, зачастую ограничивается у таких подростков общением с учителями, которые в свою очередь могут являться носителями различных диалектов шведского языка.⁴¹

Подобное многообразие языковых вариантов не может не оказывать влияния на язык подрастающего поколения, который в результате приобретает фонетические, грамматические и лексические особенности, отличные от того языка, на котором говорит основная часть населения соответствующего региона. Однако назвать данный вариант шведского языка диалектом было бы некорректно, поскольку он используется далеко не всеми молодыми жителями городских районов с высоким процентом иммигрантского населения.

По мере увеличения количества исследований языковых вариантов в соответствующих районах всё больше лингвистов склонялось к рассмотрению их в качестве социолектов – языковых вариантов, связанных с социальным положением индивида и являющихся атрибутом, прежде всего, больших городов⁴². Однако данный термин также не является полностью исчерпывающим, поскольку рассматриваемый вариант шведского языка употребляется молодёжью в качестве регистра – «временного перехода от стандартного языка, связанного с попыткой приспособиться к различным ситуациям и собеседникам»⁴³. В рамках новой социолингвистической традиции данное явление также может рассматриваться в качестве стиля – средства, используемого индивидом при конструировании своей

⁴¹ Kotsinas U.-B. Ungdomsspråk. Uppsala: Hallgren & Fallgren, 2004. S. 139.

⁴² Andersson L.-G. Fult språk: svordomar, dialekter och annat ont. Stockholm: Carlsson, 2004. S. 64.

⁴³ Bijvoet E., Fraurud K. "Rinkebysvenska" och andra konstruktioner av språklig variation i dagens flerspråkiga Sverige // Svenska som andraspråk: i forskning, undervisning och samhälle. Lund: Studentlitteratur, 2013. S. 372.

идентичности и социальных связей при помощи языка и других семиотических систем. Таким образом, стиль, или регистр, становится «отражением семантической организации выбранных говорящим лингвистических опций с учётом его коммуникативных целей и обстоятельств».⁴⁴ Используя данную теорию, представляется возможным определить язык молодёжи, проживающей в районах с высоким процентом иммигрантского населения, как регистр или определённый стиль.

4. Мотивы употребления

Целью употребления мультиэтнического языка является маркирование молодыми людьми своей идентичности и принадлежности к определённой социальной группе. В своей речи они умело комбинируют местные диалектальные особенности и «чуждые» шведскому языку черты. Использование соответствующего шведского диалекта является способом показать то, что они выросли в этой стране и являются её гражданами, а грамматические и лексические ошибки, многочисленные заимствования, богатый сленг, особенности фонетики и просодики свидетельствуют о том, что говорящий:

- 1) Гордится своим происхождением и тем самым маркирует свою принадлежность к другой национальности, культуре и т.д.
- 2) Выражает солидарность и уважение к родителям и недавно иммигрировавшим товарищам, зачастую в недостаточной степени владеющим шведским языком и испытывающим по этой причине определённую неловкость.
- 3) Как и в случае со шведскими диалектами, показывает, в какой части Швеции он вырос, поскольку варианты мультиэтнического языка молодёжи обладают определёнными региональными особенностями.

⁴⁴ Coupland N. Op. cit. P. 13.

- 4) Маркирует свою принадлежность к определённой социальной группе, а именно подросткам из мультикультурного района большого города.
- 5) Показывает свою способность смело выходить за рамки нормы языка и создавать новые слова, выражения и т.д.
- 6) Употребляет мультиэтнический язык, чтобы показать свою смелость, «крутость» и нежелание быть похожим на других.
- 7) Иронизирует над стереотипами в отношении особенностей шведского языка, на котором говорят иммигранты в мультикультурных районах⁴⁵.
- 8) Выражает протест против общества, которое из-за внешнего вида, имени, родного языка и происхождения не воспринимает его как шведа, несмотря на то, что многие подростки, использующие мультиэтнический язык, родились и выросли в Швеции и имеют шведское гражданство.⁴⁶ Иными словами, такие подростки могут просто не видеть смысла в том, чтобы разговаривать на норму шведского языка, если общество всё равно выделяет их в отдельную категорию.

Согласно утверждению многих исследователей (У.-Б. Котсинас, К. Фрауруд и др.), сами подростки, использующие черты мультиэтнического языка в своей речи, зачастую определяют его как сленг, функционирующий в качестве «дружеского языка», маркирующего их идентичность и преодолевающего этнические границы. По их словам, данный «сленг» используется не всеми молодыми людьми, проживающими в мультикультурных городских районах, а среди тех, кто им владеет,

⁴⁵ Ganuza N. Ordföljdsvariation som språklig strategi bland ungdomar i flerspråkiga storstadsmiljöer // Nordand: nordisk tidsskrift för andrespråksforskning, №2-2008. Bergen: Fagbokforlaget, 2008. S. 59.

⁴⁶ Kotsinas U.-B. Invandrarsvenska. Uppsala: Hallgren & Fallgren, 2005. S. 9.

встречаются подростки, для которых шведский является единственным родным языком⁴⁷.

Ещё одним фактором, влияющим на употребление черт мультиэтнического языка, в частности, прямого порядка слов, является коммуникативная ситуация. В ходе проекта «Язык и его употребление среди молодёжи в многоязычных районах крупных городов» было выявлено, что подростки допускают гораздо больше ошибок, связанных с неправильным порядком слов, в контексте неформальной беседы с друзьями, особенно в ходе продолжительных монологических высказываний на волнующие их темы⁴⁸. Ещё одной причиной подобных ошибок, согласно Л. Экберг, может быть стресс или усталость⁴⁹, иными словами, снижение уровня концентрации при использовании шведского языка.

Таким образом, рассматриваемый в данной главе мультиэтнический язык молодёжи является ничем иным, как регистром или, в терминах современной социолингвистики, стилем шведского языка, сознательно употребляемым молодыми людьми в отдельных ситуациях для достижения определённых целей и маркирования своей идентичности.

5. Фонетические и просодические особенности

К особенностям просодики мультиэтнического языка молодёжи можно, прежде всего, отнести так называемый «ритм стаккато», то есть более отрывистое произнесение отдельных слов или фраз в предложении, на которое указывают такие исследователи, как У.-Б. Котсинас, С. Бойд, П. Будэн, Э. Бийвут, К. Фрауруд и др., а также отклонение от шведского правила об ударении на последнее знаменательное слово в предложении или

⁴⁷ Fraurud K. Några sociolingvistiska förutsättningar för språklig variation och mångfald i Rinkeby // Svenskans beskrivning (26, 2002). Förhandlingar vid Tjugosjätte sammankomsten för svenskans beskrivning. Uppsala den 25-26 oktober 2002. Uppsala: Hallgren & Fallgren, 2004. S. 30.

⁴⁸ Ganuza N. Ordföljdsvariation som språklig strategi bland ungdomar i flerspråkiga storstadsmiljöer // Nordand: nordisk tidskrift för andrespråksforskning, №2-2008. Bergen: Fagbokforlaget, 2008. S. 70.

⁴⁹ Ekberg L. Grammatik och lexikon i svenska som andraspråk på nästan infödd nivå // Svenska som andraspråk: i forskning, undervisning och samhälle. Lund: Studentlitteratur, 2013. S. 262.

фразе. Согласно С. Бойд, данное явление можно наблюдать, в частности, в Мальмё, где подростки используют фразовое ударение в конце высказывания с целью акцентировать внимание на той части предложения, в которой согласно правилам шведского языка его быть не должно.⁵⁰

К наиболее распространённой особенности фонетики мультиэтнического языка молодёжи можно отнести использование аффрикативного [tʃ] вместо фрикативного [ʃ] в словах-заимствованиях из английского языка, как, например, в слове *chilla* (шв. «отдыхать, расслабляться»). Данная особенность объясняется тем, что в первом языке подростков-билингвов зачастую присутствует аффрикативный [tʃ], в результате чего они более склонны использовать его при употреблении соответствующих английских слов, в отличие от этнических шведов, заменяющих звук [tʃ] на фрикативный [ʃ], тем самым «приближая» слово к фонетической норме шведского языка.⁵¹

По такому же принципу в речи подростков, проживающих в районах с высоким процентом иммигрантского населения, можно выделить звук [z], практически полностью отсутствующий у этнических шведов при произнесении английских заимствований и имён собственных.⁵²

О каких-либо более общих особенностях фонетики мультиэтнического языка молодёжи говорить сложно, поскольку многие его носители параллельно владеют самыми разными языками мира, которые потенциально могут влиять на произношение подростков в шведском языке.

⁵⁰ Boyd S. Vems svenska ska beskrivas? Problem med att använda termen *native speaker* om ungdomar i flerspråkiga storstadsmiljöer och termen *varietet* om deras språkbruk // *Svenskans beskrivning* (30, 2008). Förhandlingar vid Trettionde sammankomsten för svenskans beskrivning. Stockholm den 10 och 11 oktober 2008. Stockholm: Institutionen för nordiska språk, Stockholms universitet, 2010. S. 25.

⁵¹ Ibid. S. 25.

⁵² Bodén P. Pronunciation in Swedish multiethnolect // *Multilingual urban Scandinavia: new linguistic practices*. Bristol: Multilingual Matters, 2010. P. 72.

6. Лексические особенности

В своей статье «Грамматика и лексика шведского как второго языка, близкого к уровню носителя» Л. Экберг выделяет следующие виды лексических ошибок, характерных для представителей молодёжи мультикультурных районов шведских городов:

- 1) Ошибки в форме так называемых аппроксимаций – случаев, когда употреблённое говорящим слово обладает «неправильным» значением или формой, но при этом достаточно близко к ожидаемому, идиоматически корректному слову или фразе.
- 2) Путаница в употреблении сходных по форме слов, например, *mellan* вместо *medan* (шв. «между» вместо шв. «в то время как»).
- 3) Неверное употребление близких по значению слов, например, *prata* (шв. «разговаривать») и *säga* (шв. «говорить, сказать»), *titta* (шв. «смотреть») и *se* (шв. «видеть»).
- 4) Употребление слова, антонимичного необходимому, например, *putta* (шв. «толкать») и *dra* (шв. «тянуть»).
- 5) Употребление стилистически неуместных лексических единиц.

7. Сленг

Использование лексических единиц, характерных для мультиэтнического языка молодёжи, является одним из наиболее ярких стилистических приёмов, применяемых в рассматриваемых произведениях иммигрантской литературы. Книга У.-Б. Котсинас и шведского музыканта и актёра Д. Доггелито «Сленг городских окраин» является на сегодняшний день самым объёмным источником информации о лексике мультиэтнического языка молодёжи. Большинство вошедших в неё слов было собрано авторами в 1980-1990-х гг. в таких районах, как Альбю, Фиттья и Норсборг (Стокгольм), Русенгорд (Мальмё), Аньеред, Бергшён, Хаммаркюллен и Йельбу (Гётеборг).

Сами подростки называют мультиэтнический язык молодёжи сленгом городских окраин (шв. *förortsslang*) или «бетонным» шведским (шв. *betongsvenska*)⁵³, поскольку окраины являются для них синонимом района большого города с преобладающим процентом иммигрантского населения.

В 1980-х гг. в шведских газетах впервые начали появляться статьи о вариантах шведского языка, на которых говорила молодёжь в мультикультурных районах, названия которых в результате стали использоваться для определения данных регистров: *rinkebysvenska* (район Ринкебю), *albysvenska* (Альбю), *gårdstenska* (Гордстен), *rosengårdska* (Русенгорд) и т.д. Авторы статей указывали на «скудный» словарный запас молодых людей, а также использование ими лексики из других языков.

В связи с большими миграционными потоками, прежде всего, из Греции, Турции и Латинской Америки в период 1950-1970 гг., а также стран Ближнего Востока начиная с 1970-х гг., наибольшее влияние на лексику мультиэтнического языка, предположительно, оказали турецкий, арабский, испанский и греческий языки. В нём также можно обнаружить слова из множества других языков мира, при этом источник заимствования известен далеко не всегда. Как отмечает в своей работе «Язык молодёжи» У.-Б. Котсинас, подобное обилие заимствований вызвано не только наличием большого числа языков в окружении подростков, но и тем, что они мало знакомы со старым общеупотребительным шведским сленгом и его словообразовательными возможностями.

Из турецкого в молодёжный сленг пришли такие слова, как, например:

- 1) *guss* («девушка»): ”*Per-tönten raggade lite på några gussar...*” (К, 29): «Этот дебил Пер немного попкапил девиц»; ”... *hon hade en sån där kvinnokostym som gussarna har i amerikanska advokatserier.*” (К, 132): «на ней был костюм типа как у девиц в сериалах про адвокатов»; ”*Varken gussen eller aina synes...*” (К, 179): «ни чикули, ни копов видно не было»;

⁵³ Kotsinas U.-B., Doggelito D. *Förortsslang*. Stockholm: Norstedts ordbok, 2004. S. 8.

2) *para* («деньги»): ”*Upp med paran, len.*” (K, 39): «Гони бабло, чувак»; ”*Fatta len, sen vi kan beckna och få fett para jao*” (W, 20): «Пойми, друг, мы можем загнать это и срубить нехилое бабло»; ”*Aina skickas på alla blattar som visar dom fixat para...*” (K, 104): «На всех парней, которые раздобыли капусту, наслали копов...»

3) *gitta* («идти»): ”... *och gittade sen mot skåpen*” (K, 110): «... и потащился к шкафчикам»; ”*När jag gittade mot skolgården jag upptäckte...*” (K, 148): «Когда я припёрся на школьный двор, то обнаружил...»; ”*Åh, jag gittar hem, Va...*” (S, 80): «Ну чё, я валю на хату...»; ”... *Bollen tog den och gittish...*” (W, 17): «Боллен взял её и свалил...».

Из испанского были заимствованы такие слова, как *chica* («девушка»), *dinero* («деньги»), *amigo* («друг»), из арабского – *habibi* («друг»), *jalla* (форма глагола «торопиться» в повелительном наклонении): ”*Jalla, det är dags att gå hem*” (K, 34): «Шевелись, нам пора домой» и т.д.

В мультиэтническом языке также сохранились слова из старого стокгольмского сленга (*raj* – «вечеринка», *lavett* – «пощёчина»), в том числе заимствованного из романи (*dabba* – «ударять»). Таким образом, часть лексики мультиэтнического языка молодёжи является сленговой в том языке, из которого она была заимствована, а часть относится к литературной норме.

В сленге городских окраин присутствует достаточно большое количество слов со значением «парень», «девушка» или «друг». Так, по отношению к девушке чаще всего используется соответствующее турецкое слово *kiz*, употребляющееся в таких формах как, например, *guss*, *gizz* или *göz*: ”... *och han hade fixat en guz nu...*” (W, 16): «... у него теперь появилась чикюля»; ”... *guzen som väntar sätter sig på bänken och tänder en cigg*” (W, 28): «... ждущая тебя деваха сядет на скамейку и закурит». По отношению к молодым людям частотным является употребление различных форм соответствующего турецкого слова: *shunne*, *shono* или *shino*:

- 1) ”*Hristo hade samlat tio shunnar och också Sebastian och Angelo från hans gamla klass var med.*” (K, 56): «Христо собрал с десяток парней, Себастиан и Анжело тоже пришли».
- 2) ”*Tyvärr shunnen bakom kassan sa dom hade inga nybecknade parabolер...*” (K, 60): «К сожалению чувак на кассе сказал, что новых антенн на продажу у них не было...».
- 3) ”*Hon avbröts när några knarkarshunnar kom fram...*” (K, 84): «Её перебили несколько подваливших нариков...».
- 4) ”*Shuno kutade efter oss en bit...*” (W, 17): «Чувак ещё бежал за нами некоторое время...».
- 5) ”*... shonnen vill typ springa hundra meter ey...*” (W, 21): «... слышь, чувак типа сто метров пробежать собрался...».

Из различных языков в мультиэтнический сленг были заимствованы слова со значением «деньги»: *para* (тур.), *lover* (романи), *pesetas* (исп.), *stash* (англ.), *floos*:

- 1) ”*... och stoppade floosen i innerfickan*” (K, 166): «... и засунул бабки во внутренний карман».
- 2) ”*... och får feta respekten och maxade floosen*” (K, 104): «... и получим нереальные баблищи и уважуху».
- 3) ”*... han fixar ärlig floos och tar med dom på solsemester.*” (K, 131): «... он честно зарубает бабло и возит на него по пляжам».
- 4) ”*... han var nog på rökpaus men kunde inte tåla tankesultaner gjorde floos på deras lunchgäster.*” (K, 166): «...у него явно был перекур, но с тем, что султан мысли стриг с их гостей бабки, он смириться не мог».
- 5) ”*...Vi säljer dem till skitbra pris och sen – när vi har tillräkligt med lover...*” (S, 50): «... Мы загоним их по нехилой цене и потом, когда у нас будет достаточно бабла...».

В мультиэтническом сленге также частотны различные виды обращений: *len*, *län* (тур.), *re*, *bre*, *vre* (греч.), *jao*, *abre*, *mannen* и др.:

- 1) ”*Ey Fällan, vakna len.*” (W, 10): «Слышь, Фэллан, просыпайся, друг».
- 2) ”*Käftan båda två och tänd ciggen jao*” (W, 11): «Оба заткнулись, и давай уже прикуривай, чувак».
- 3) ”... *fan är det jao, har du blivit fin?*” (W, 12): «... это что ещё нахрен такое, чувак, ты теперь пафосный стал?».
- 4) ”... *ey, lyssna mannen, sa Foggy skrattande...*” (S, 13): «... слыш, мужик, смеясь, сказал Фогги...».
- 5) ”*Najs rullat, mannen, najs rullat...*” (S, 81): «Отлично скрутил, мужик, просто отлично...».

Само обращение к человеку часто начинается со слова *abou*, привлекающего внимание слушающего: ”*Abou, du dödar min skalle toooooooalt*” (S, 83): «Абу, ты мне вщеееее мозг выносишь»; ”*Abou, antingen box eller så kan ni skita i det*” (S, 86): «Абу, либо деритесь, либо вообще забейте»; ”*Abou, ... det gör ont i halsen...*” (S, 101): «Абу, ... от него болит горло...».

Так же, как и в общепотребительном сленге, в мультиэтническом языке существует множество наименований для частей тела (*bsez* – «грудь»), а также различных слов, связанных с сексуальностью и половыми органами (*bazza/bassa, partooza* – «заниматься сексом»):

- 1) ”*Säg ärligt, har du verkligen bazat henne?*” (W, 18): «Скажи честно, ты реально её трахал?»
- 2) ”... *och hon minsann inte skulle få baza i kväll även om hon bad på baraste knän.*” (K, 183): «... и со мной перепихнуться ей сегодня точно не удастся, даже если она устроит мольбу на коленях».

В связи с «тайным» характером сленга и стремлением говорящего сделать его как можно более непонятным для окружающих в лексике городских окраин существуют слова для обозначения различных видов нарушений закона и полиции (например, *baxa, cherabla* или *tjåla* – «красть»):

- 1) ”... *och därför han hade låtit mig baxa hennes mobil...*” (K, 175): «... и поэтому он позволил мне стырить её мобильник...».
- 2) ”*Typ medans andra gick och baxade och zuttade...*” (W, 15): «типа пока другие всё тырили и дули...».
- 3) ”... *gå baxa nån annans hem...*” (W, 19): «... идите обчистите чей-то другой дом...».

В разговоре о продаже краденого имущества и наркотиков герои романов «В своих мыслях» и «Застывшие» используют слово *beckna* («продавать, сбывать»): ”... *vi becknade din bruds smycken ey*” (W, 24): «слышь, мы загнали цацки твоей тёлки»; ”... *en jävla småtjuv som går runt och becknar skit...*” (S, 38): «поганый мелкий воришка, который тут шляется и толкает всякое дерьмо»; ”... *vad ska du göra – beckna pura och skurre som Ivan...*” (S, 50): «и что ты будешь делать – толкать курево и травку, как Иван?».

Крайне частотным является слово *aina* – «полиция»; аналогичным значением также обладают такие слова, как, например, *farbror Blå* или *gris*:

- 1) ”*Nästan alla kakorna var sålda när aina kom i form av servitörtönt.*” (K, 166): «Я уже почти продал всё печенье, как вдруг нарисовался легавый в виде мудака-официанта».
- 2) ”...*och sen hon står redo med aina i kuliss och arresterar?*” (K, 175): «... а потом она будет стоять в кулисах с копами наготове и арестует нас?».
- 3) ”...*det var inte aina eller Alex utan Curre...*” (K, 211): «...это оказались не легавые или Алекс, а Кюппе...».
- 4) ”... *men Bollen sprang inte så snabbt, två grisar bakom honom...*” (W, 17): «...но Боллен не так быстро бежал, за ним гнались два копа...».
- 5) ”... *så jag var tvungen att ringa aina...*” (S, 154): «... так что мне пришлось вызвать легавых».

Для достижения аналогичных целей говорящий также может сознательно изменять фонетический облик некоторых слов: *godis* (шв.

«сладости») – *frodis, cigarette* (шв. «сигарета») – *garre*; менять местами слоги или «переворачивать» их: *polis* (шв. «полиция») – *silop* (приём, существующий и в общеупотребительном сленге шведского языка); использовать аббревиатуры: *o.d.* (от шв. *överdos* – «передозировка»)⁵⁴.

Ещё одной общей чертой для шведского и мультиэтнического сленгов является обилие оценочных слов, как позитивных (*fet, soft, grymish, najslich* в значении «хороший, крутой, классный» и т.п.):

- 1) ”... *jag avbröt med en kommentar som kändes fett soft att säga*” (К, 164): «...я прервал его своим офигительным комментарием».
- 2) ”*Allt var softish där och inte ens det störde när jag hörde steg och buskprassel...*” (К, 44): «Всё было зашибенно, и мне не помешали даже приближающиеся шаги и шорох в кустах...».
- 3) ”*Till och med scenteknikerna började grina för hans scen hade varit så grymt fet!*” (К, 49): «Даже технические работники сцены начали лыбиться, потому что его выступление было нереально крутым!».
- 4) ”*Jag försökte tänka allt som fanns runt omkring var soft...*” (К, 99): «Я постарался думать о том, что всё вокруг вообще нормас».
- 5) ”... *man tjänar feta flisen men aldrig man visar.*” (К, 104): «... можно конкретно бабло срубить, но никому не сказать».

Так и негативных (*keff, beck, bull* – «плохой, отстойный» и т.п.):

- 1) ”... *med kärleken i livet också den keffaste stunden glänser.*” (К, 108): «... любовь освещает даже самые отстойные моменты нашей жизни».
- 2) ”*Sen på lunchen gudarna ville allt kefft skulle maxas...*” (К, 191): «Потом во время обеда боги решили запилить нереальный отстой...».
- 3) ”... *sängen var keff bäddad*” (W, 21): «...кровать была херово заправлена».
- 4) ”... *ni är inte ihop och du vet ju redan hur keff hon är...*” (S, 115): «... вы всё равно не вместе и ты же знаешь, что она – полный отстой».

⁵⁴ Kotsinas U.-B., Doggelito D. Op. cit. S. 19.

5) ”*Och han sa att jag skulle be om cigg... Han va helt bull*” (B, 203): «И он сказал, что я должен *попросить* у него сигу... Вообще мудака полный».

Основное количество ругательств в шведском языке относится к теме религии, однако для многих других культур мира характерно использование обсценной лексики, источником которой становится сфера сексуальности. По этой причине в мультиэтническом сленге можно часто встретить ругательства, заимствованные из подобных языков: *fibra, koto* – грубое обозначение женских половых органов; *kahpe, putana* – женщина, вовлечённая в проституцию: ”*Du ställer dig bakom en jävla putana...*” (S, 119): «И ты защищаешь эту шлюху...»; *mamagende* – человек, вступающий в половую связь со своей матерью: ”... *mammaknullare, vad säger du nu?*” (W, 21): «... и что ты теперь, мать твою, скажешь?». Полностью заимствованы в мультиэтнический язык и соответствующие оскорбительные выражения: *anani sikejam, jebem ti mater* со значением, аналогичным слову *mamagende*. Подобные обсценные выражения также встречаются в форме калек типа *gå och knulla din mamma* (аналогичное значение) и их сокращений в виде фраз *din mamma* («твою мать»), *din pappa* («твоего отца») и т.п. Кальки также встречаются и в таких эмоционально-окрашенных выражениях, как, например, *jag svär på min mammas död* (шв. «клянусь могилой матери») или *jag skall döda dig* («я тебя убью»):

1) ”*Jag svär på mammas död, du vet att jag menar allvar när jag svär på henne...*” (S, 21): «Смертью матери клянусь, ты знаешь, что всё серьёзно, если я ей клянусь...».

2) ”*Den där gula lilla horungen, på min mammas död om jag ser honom...*” (S, 38): «Этот мерзкий жёлтый урод, смертью матери клянусь, если я его увижу...».

3) ”... *jag svär på – jag svär på – rör mig bara och jag kommer att krossa din skalle i bitar...*” (S, 79): «клянусь, я клянусь, только тронь меня и я тебе башку разобью на кусочки...».

4) ”... *jag svär på mammas att jag kan fixa den...*” (S, 91): «...матерью клянусь, я всё исправлю...».

5) ”*Men jag svär, de e övergott*” (B, 202): «Клянусь, это мега-вкусно».

Так же, как и любой другой, мультиэтнический сленг отражает способность молодых людей творчески подходить к выбору языковых средств. Так, для обозначения происхождения человека может использоваться блюдо, типичное для его родной страны: *potatis* («картофель») – швед, *kebab* («кебаб») – араб, *curry* («карри») – индеец, *sushi* («суши») – азиат и т.п.⁵⁵ Шведов также, по неизвестной причине, могут называть *svennebanan* (*svenne* – уничижительное для «швед», *banan* – «банан») или *suedi bananish* (*suedi* – араб. «швед», *-ish* – сленговый суффикс).

Сленговый суффикс мультиэтнического языка молодёжи *-ish* может прибавляться как к существительным и глаголам, так и прилагательным. Молодые люди используют его, чтобы придать слову сленговый оттенок или скрыть содержание разговора от окружающих. В мультиэтническом языке также встречаются такие суффиксы общеупотребительного шведского сленга, как *-is* и *-o*:

1) ”*Men, om hon är så grymmish braish som du säger varför hon är inte kändish?*” (K, 93): «Но если она такая дофига крутая как ты говоришь, почему она не звезда?».

2) ”... *så direkt jag väckte alkot och sa han skulle gittish*” (K, 98): «... так что я сразу разбудил алкаша и сказал ему валить отсюда».

3) ”... *bara för jag var grymmish klokish*” (K, 109): «...только потому, что я был дико умный».

4) ”... *eh shu len, vad händish...*” (W, 12): «...эй, чувак, чё как?».

5) ”*På Dalandas bänk en skäggig svennealkis låg...*” (K, 98): «На скамейке Даланды лежал бородатый алкаш...».

Причины, по которым молодёжь употребляет «сленг городских окраин», сходны с мотивами употребления любого сленга: говорящий

⁵⁵ Kotsinas U.-B., Doggelito D. Op. cit. S. 18.

стремится продемонстрировать свою способность к языковому творчеству и острое чувство юмора, доказать свою «крутость» и право принадлежать к группе. В определённых случаях сленг может функционировать в качестве тайного языка, однако его главная цель заключается в маркировании идентичности. Заимствуя лексику из множества различных языков мира, сознательно меняя фонетику и грамматику, подростки тем самым выражают протест против традиционного общества и отождествляют себя с мультикультурным контекстом.

8. Особенности фразеологии

Употребление фразеологических единств того или иного языка в речи, безусловно, играет особую роль в соотнесении степени владения языком говорящего с уровнем носителя.

В ходе исследований процессов усвоения второго языка было установлено, что носители довольно часто используют в своей речи повторяющиеся, частично стереотипные и предсказуемые конструкции и потому редко пользуются креативными возможностями языковой системы. Как отмечает в своей работе «Фразеологические единства на многоязычной основе. Сравнение между реальностью и художественной литературой» Ю. Гроссе, как моно-, так и многоязычные подростки имеют довольно чёткое представление об устойчивых лексических и грамматических конструкциях шведского языка, однако вариативность в их употреблении выше именно среди представителей многоязычной группы, что делает их речь менее стереотипной по сравнению с монолингвами. Под фразеологическим единством Ю. Гроссе подразумевает «словосочетание, для которого характерны определённые ограничения в комбинировании входящих в него слов»⁵⁶.

⁵⁶ Große J. Fraseologiska enheter på flerspråkig grund. En jämförelse mellan verklighet och fiktion // På rak sak: om ordförbindelser och konventionaliserade uttryck bland unga språkbrukare i flerspråkiga miljöer. Göteborg: Institutionen för svenska språket, Göteborgs universitet, 2010. S. 107.

Одним из самых частых отклонений от нормы языка в данной области являются так называемые аппроксимации – «фразы, форма которых лишь незначительно отличается от исходной»⁵⁷, как, например, в выражении *den fungerar väl inte på längden* (шв. «в долгосрочной перспективе это работать не будет»), где вместо необходимого предлога *i* ошибочно употребляется предлог *på*.

Также это могут быть контаминации – «смешение двух или нескольких фраз»⁵⁸, как, например, в выражении *man beräknar med att...* (шв. «ожидается, что...»), где смешаны фразы *räkna med något* в значении «ожидать, рассчитывать на что-то» и *beräkna något* в значении «предвидеть, судить о чём-то». Подобного рода контаминации можно наблюдать как в речи моно-, так и многоязычных подростков.

При анализе сочинений 175 информантов из многоязычных школ Ю. Прентис (Гроссе) и Э. Шёльдберг установили, что из общего числа фигуративных словосочетаний подростки употребили: 54% устойчивых, 31% модифицированных и 14% новообразованных конструкций.⁵⁹ К устойчивым словосочетаниям исследовательницы относят, прежде всего, идиомы и лексикализованные сравнения. К модифицированным конструкциям относятся упомянутые выше аппроксимации, а именно: перестановки, замены, добавление или опущение составляющих, а также контаминации, количество которых превышает количество аппроксимаций в отношении 18% и 11% соответственно.

К новообразованиям исследовательницы относят не существующие в шведском языке устойчивые словосочетания, поскольку определить, создал

⁵⁷ Ibid. S. 109.

⁵⁸ Große J. Fraseologiska enheter på flerspråkig grund. En jämförelse mellan verklighet och fiktion // På rak sak: om ordförbindelser och konventionaliserade uttryck bland unga språkbrukare i flerspråkiga miljöer. Göteborg: Institutionen för svenska språket, Göteborgs universitet, 2010. S. 109.

⁵⁹ Prentice J., Sköldberg E. Klättra på väggarna eller bara vara ett med soffan? Om figurativa ordförbindelser bland ungdomar i flerspråkiga skolmiljöer // På rak sak: om ordförbindelser och konventionaliserade uttryck bland unga språkbrukare i flerspråkiga miljöer. Göteborg: Institutionen för svenska språket, Göteborgs universitet, 2010. S. 21.

ли информант рассматриваемую конструкцию сам или перевёл её с родного/ другого языка зачастую невозможно.

В результате проведённого исследования Ю. Прентис (Гроссе) и Э. Шёльдберг пришли к выводу, что монолингвы употребляют больше устойчивых конструкций, чем многоязычные подростки, однако при этом среди них также присутствуют модифицированные и новообразованные словосочетания. Данное положение опровергает представление о том, что ошибки в устойчивых конструкциях шведского языка являются атрибутом исключительно многоязычных подростков.

Позицию, аналогичную заключениям Ю. Прентис (Гроссе) и Э. Шёльдберг, занимают и другие исследователи, принявшие участие в проекте «Язык и его употребление среди молодёжи в многоязычных районах крупных городов». Так, Л. Экберг в своей статье «Грамматика и лексика шведского как второго языка, близкого к уровню носителя» отмечает, что во фразеологизмах, употребляемых подростками в мультикультурных районах шведских городов, можно встретить ошибочные слова или их формы, опущение закреплённых лексических единиц или добавление новых. Данная особенность встречается и в речи носителей шведского языка, однако в гораздо меньшей степени.

Контаминации, аппроксимации, а также новообразованные конструкции являются одним из ярчайших приёмов, используемых Ю. Х. Кемири в романе «На красном глазу». Стремление главного героя Халима к языковому творчеству находит отражение в изменении существующих, а также создании совершенно новых устойчивых конструкций:

1) ”*Fast egentligen maskinen bara stod på Nourdins rum och samlade på damm*” (К, 10): «Хотя на самом деле аппарат просто стоял в комнате Нурдина и коллекционировал пыль»: контаминация конструкций *samlade damm* («собирать пыль») и *samlade på något* («коллекционировать/ собирать что-то»).

2) ”... *jag fick lite ågren och kände fet skuld fast jag var oskyldig som värsta lamm*” (К, 19): «... я немного обеспокоился и ощутил дикое чувство вины, хотя был невинен как чистейший ягнёнок»: аппроксимация фразеологизма *oskyldig som ett lamm* – «невинен как ягнёнок».

3) ”*Men jag droppade tråden för vad jag vet om knarkarliv eller fultjack?*” (К, 13): «Но я уронил нить, поскольку ничего не знаю о нариках или дури», аппроксимация конструкции *tappa tråden* («терять нить»).

4) ”... *Halim tänkte dom kastade skulden mellan sig...*” (К, 21): «... Халим подумал, что они перекидываются виной», аппроксимация конструкции *kasta skulden på någon* («перекладывать вину на кого-то»).

5) ”... *hon blev eld i lågor och genast hon började prata om Integrationsplanen*” (К, 30): «... она прямо возгорелась и сразу начала говорить про Интеграционный план» (дословно – «стала огнём в пламени»), аппроксимация фразеологизма *bli eld och lågor* («загореться», дословно – «стать огнём и пламенем»).

6) ”... *allt skulle gå till pipan om han fick mera makt*” (К, 33): «... всё полетит к трубе, если он получит больше власти», аппроксимация фразеологизма *gå åt pipan* («вылететь в трубу»).

7) ”*En mattant såg allt men lyfte inte minsta finger*” (К, 57): «Тётя в столовке всё видела, но и мизинчиком не пошевелила», аппроксимация фразеологизма *inte lyfta ett finger* («и пальцем не пошевелить»).

В тексте романа также можно встретить новые словосочетания и выражения, имеющие структуру устойчивых:

1) ”*Pappa log största leendet...*” (К, 26): «Папа улыбнулся большущей улыбкой...».

2) ”*I dag jag har filosoferat fram en teori...*” (К, 36): «Сегодня я выфилософировал теорию...».

3) ”*Han log för att visa han spelade skoj*” (К, 43): «Он улыбнулся, чтобы показать, что в шутки играет».

4) ”*Sen Curre tog fulknark och överdos och började odla galenskap*” (К, 45): «После того, как у Кюрре была передозировка наркотиков, он начал плодить сумасшествие».

Согласно Л. Экберг, многоязычные подростки имеют меньший по сравнению с монолингвами запас лексикализованных словосочетаний, вследствие чего они чаще пользуются продуктивными возможностями языка.⁶⁰ Герой романа Кемири Халим, напротив, обладает очень богатым запасом устойчивых выражений, что позволяет ему экспериментировать с их формой и содержанием, поскольку им движет стремление к языковому творчеству и оригинальности.

9. Особенности грамматики

В рассматриваемых произведениях Кемири, Бахтиари и Венгера можно встретить грамматические ошибки, аналогичные тем, которые допускают в своей речи молодые люди, проживающие в мультикультурных районах крупных шведских городов. Согласно Л. Экберг, чаще всего подростки ошибаются в следующих аспектах:

1) словоизменении и согласовании: употребление существительных или прилагательных в неправильном роде, неполное согласование в субстантивных словосочетаниях и т.д.: ”*Jag nickade allvarlig och tog boken*” (К, 12): «Я серьёзна кивнул и взял книгу»; ”*Pappa tvättade händerna med diskmedel och ropade sista kunden innan stängning hade köpt massa saker till sin företag*” (К, 24): «Папа помыл руки моющим средством и окликнул последнего клиента, который купил кучу всего для своя предприятия перед закрытием»;

⁶⁰ Ekberg L. Grammatik och lexikon i svenska som andraspråk på nästan infödd nivå // Svenska som andraspråk: i forskning, undervisning och samhälle. Lund: Studentlitteratur, 2013. S. 270.

- 2) показателях определённости/неопределённости существительных;
- 3) формах множественного числа;
- 4) спряжении слабых и сильных глаголов: ”*Jag känner han som döda Palme*” (В, 94) «Я знаю тот, кто убивал Пальме»; ”*Dom kanske inte snacka om koncentrationsläger vid middagsbordet, men...*” (В, 15): «Может они и не говорил про концентрационные лагеря за обеденным столом, но...»; ”*Sen när allt börja gå åt helvete ...*” (В, 15): «А потом, когда всё летит к чертям...».
- 5) употреблении местоимений: ”*Men jag kunde inte titta på han*” (К, 121): «Но я не мог на нём смотреть»; ”... *man kan inte gå nånstans me hon heller*” (В, 264): «... с неё и сходить никуда нельзя»; ”*När jag träffar han i himlen, ska jag saj till han att...*” (В, 94): «Когда я встречу него на небе, я скажу ему, что...»; ”... *sprang jag och sparka han i ryggen...*” (В, 203): «... побежал и ударил ему по спине...»
- 6) употреблении предлогов.

10. Особенности синтаксиса: прямой порядок слов

Одной из самых общеизвестных особенностей мультиэтнического языка молодёжи являются случаи ошибочного употребления прямого порядка слов вместо обратного. Именно данная черта стала предметом многочисленных стереотипов в отношении языка иммигрантов и тем стилистическим приёмом, который активно используют в своих произведениях Ю. Х. Кемири и А. Л. Венгер.

Согласно правилам шведской грамматики, финитный глагол в главном предложении всегда ставится на второе место, однако если предложение вводится чем-то иным, кроме подлежащего (например, обстоятельством *sedan* – шв. «затем, потом»), то финитный глагол остаётся на втором месте, а подлежащее оказывается на третьем, в результате чего возникает обратный порядок слов. Данная особенность шведской грамматики традиционно

представляет определённую сложность для изучающих шведский язык, что зачастую приводит к случаям ошибочного употребления прямого порядка слов в тех предложениях, где, согласно правилам, требуется обратный.

Действительно, прямой порядок слов встречается как в шведском интерязыке, так и в языке молодёжи в районах с высоким процентом иммигрантского населения, однако представления о частотности и причинах его употребления среди последних зачастую не соответствуют действительности.

Как отмечает профессор С. Бойд, прямой порядок слов, типичный для рассматриваемых литературных произведений, крайне редко употребляется в спонтанной разговорной речи.⁶¹ Так, согласно результатам исследования в рамках проекта «Язык и его употребление среди молодёжи в многоязычных районах крупных городов», прямой порядок слов был использован всего в 3,5% случаев (4,6% в Стокгольме; 3,3% в Мальмё; 2,5% в Гётеборге).⁶² В качестве материала для исследования были отобраны аудиозаписи речи 127 подростков, участвовавших в групповых беседах, а также выступавших перед классом. Подобные цифры оказались в разы ниже ожиданий исследователей и свидетельствуют о том, что подростки в большинстве случаев используют данный «приём» сознательно. Прямой порядок слов является для них частью языковой стратегии или, иными словами, стилистическим ресурсом, используемым в следующих целях:

- 1) Способ показать свою принадлежность к определённой социальной группе (мотив, аналогичный с мотивами употребления сленга);
- 2) Выражение протеста перед обществом;

⁶¹ Boyd S. Vems svenska ska beskrivas? Problem med att använda termen *native speaker* om ungdomar i flerspråkiga storstadsmiljöer och termen *varietet* om deras språkbruk // Svenskans beskrivning (30, 2008). Förhandlingar vid Trettionde sammankomsten för svenskans beskrivning. Stockholm den 10 och 11 oktober 2008. Stockholm: Institutionen för nordiska språk, Stockholms universitet, 2010. S. 29.

⁶² Ganuza N. Ordföljdsvariation som språklig strategi bland ungdomar i flerspråkiga storstadsmiljöer // Nordand: nordisk tidsskrift för andrespråksforskning, №2-2008. Bergen: Fagbokforlaget, 2008. S. 64.

- 3) Способ выразить солидарность с товарищами, которые пока не обладают высокой степенью владения шведским языком;
- 4) Желание идентифицировать себя с мультикультурным/многоязычным контекстом;
- 5) Игра на стереотипах о речи подростков, проживающих в мультикультурных районах шведских городов;
- 6) Произведение риторического эффекта.

Употребление прямого порядка слов в качестве стилистического ресурса дополнительно подтверждает тот факт, что в письменных работах учащихся было обнаружено крайне незначительное количество ошибок.

Однако есть и другие факторы, влияющие на частотность употребления подростками прямого порядка слов вместо обратного. Так, количество ошибок возрастает, если говорящий произносит длинный монолог или очень увлечён темой своего рассказа, то есть его концентрация на норме языка находится на достаточно низком уровне. То же самое происходит, когда подростки общаются между собой, и рядом с ними нет взрослого, например, преподавателя или исследователя.

Дополнительными факторами, повышающими частотность употребления прямого порядка слов, могут быть быстрая речь, сленговая лексика, эмоциональные дискуссии др.⁶³ Профессор Л. Экберг также приводит такие факторы, как стресс и усталость.

Согласно данным проекта «Язык и его употребление среди молодёжи в многоязычных районах крупных городов», 2% всех употреблений прямого порядка слов приходятся на монолингвов, а 4,9% – на многоязычных подростков.⁶⁴ Однако установить прямую связь между количеством языков, которыми владеет говорящий, и частотностью ошибок не представляется

⁶³ Ganuza N. Subject-verb order variation in the Swedish of young people in multilingual urban areas // Multilingual urban Scandinavia: new linguistic practices. Bristol: Multilingual Matters, 2010. S. 43.

⁶⁴ Ganuza N. Ordföljdsvariation som språklig strategi bland ungdomar i flerspråkiga storstadsmiljöer // Nordand: nordisk tidsskrift for andrespråksforskning, №2-2008. Bergen: Fagbokforlaget, 2008. S. 67.

возможным, поскольку среди использующих данный стилистический приём подростков встречаются монолингвы – носители шведского языка.

Таким образом, употребление прямого порядка слов подростками, проживающими в районах с большим процентом иммигрантского населения, следует рассматривать прежде всего с точки зрения социолингвистики и стилистики. В данном контексте результаты проекта «Язык и его употребление среди молодёжи в многоязычных районах крупных городов» позволяют сделать вывод о том, что ошибочное употребление порядка слов в литературе является авторским приёмом, призванным достичь цели, аналогичные вышеупомянутым:

- 1) Показать, что герой произведения ассоциирует себя с многоязычным/мультикультурным контекстом;
- 2) Показать, как важно для него выразить свою идентичность через язык;
- 3) Иронизировать над стереотипами по отношению к речи подростков в многоязычных районах шведских городов;
- 4) Гиперболизировать данный речевой приём с целью достижения дополнительного стилистического эффекта.

Именно прямой порядок слов является базовым стилистическим приёмом, который использует в своём романе Ю. Х. Кемири. В каждом предложении, предполагающем обратный порядок слов, автор сознательно заменяет его на прямой, поскольку главный герой произведения Халим стремится вести свой дневник на максимально отличающимся от норм грамматики языке:

- 1) ”*På geografin vi skulle snacka bergarter och annat ointressant*” (К, 108): «На географии мы были должны обсуждать типы гор и всякое другое неинтересное».
- 2) ”*Samtidigt jag skulle aldrig vara som dom intellektuella som Dalanda berättade om*” (К, 109): «К тому же никогда я бы не стал таким умным, как те, о ком рассказывала Даланда».

- 3) *"Sen ganska lång tid jag stod framför spegeln i badrummet."* (K, 154): «Потом времени довольно много я стоял перед зеркалом в ванной».
- 4) *"I hemliga lådan det ligger två grymma saker bredvid varandra"* (K, 167): «В тайном ящике рядом две лежат крутые вещи».
- 5) *"Hela tiden jag höll mig redo"* (K, 182): «Всё время наготове я был».

Прямой порядок слов также использует в своём произведении А. Л. Венгер. Когда главный герой романа Фелипе рассказывает Юлии о своём прошлом и друзьях из мультикультурного района, количество случаев употребления прямого порядка слов в его речи возрастает. Данный приём может свидетельствовать о том, что подобный способ изложения своих мыслей является для Фелипе более привычным и естественным, а также символизирует то, что герой не стыдится своего иностранного происхождения и жизни в мультикультурном районе Стокгольма:

- 1) *"Men den gången jag var sur på dig och på din farsa och skolan och hela skiten du vet"* (W, 14): «Но в тот раз на тебя я злился, и на твоего батю, и на школу и вообще на всё дерьмо, знаешь».
- 2) *"Plus jag blev lite stolt där för det var min hundpåse dom hade bild i tidningen"* (W, 15): «Плюс немножко гордился я тогда, потому что в газете поместили фотку моего мешочка с собачьим дерьмом».
- 3) *"Men för det mesta vi satt hemma hos Nico och rökte och softade och snackade om guzar, alltså det var innan jag kände dig"* (W, 16): «Но в основном мы дома у Нико сидели и курили и расслаблялись и базарили про тёлки, короче до тебя было это».
- 4) *"Men där ingen snackade med mig"* (W, 23): «Но там не разговаривал со мной никто».
- 5) *"Och varje rast jag hade freestyle, du vet 2Pac och Dogge och det"* (W, 23): «И фристайлил на каждой перемене я, ну знаешь, Тупак, Догги и всё такое».

11. Переключение кодов

К ещё одной особенности речи подростков в мультикультурных районах шведских городов можно отнести так называемое переключение кодов, которое также находит отражение в произведениях иммигрантской литературы.

Переключением кодов (шв. *kodväxling*) традиционно называют «варьирующееся употребление более чем одного языка в рамках коммуникации». ⁶⁵ Оно происходит внутри определённого контекста, иногда внутри одного и того же высказывания, предложения или даже слова.

Переключение кодов может использоваться в качестве коммуникативной стратегии для достижения определённого эффекта и отнюдь не означает, что говорящий в недостаточной степени владеет тем или иным языком.

Вслед за Я.-П. Бломом и Д. Д. Гумперцом шведские исследователи К. Норрбю и Г. Хоканссон выделяют ситуационное и метафорическое переключение кодов. Первое из них происходит в том случае, когда к диалогу присоединяется новый участник или когда говорящий сменяет вид деятельности или тему разговора. При метафорическом переключении кодов говорящий меняет язык для того, чтобы обозначить свою позицию, процитировать кого-то, добавить в разговор юмора или иронии или акцентировать на чём-то внимание.

Цели говорящего, использующего переключение кодов, могут быть различны: обозначить свою идентичность или принадлежность к определённой группе, достичь большего взаимопонимания с собеседником, включить или исключить кого-либо из разговора и т.д.

В случае употребления слов, фраз, предложений и т.д. на другом языке в ходе коммуникации открытым остаётся вопрос о разграничении понятий, смежных с переключением кодов. Как писал в 1992 г. в своей работе о

⁶⁵ Park H.-S. Kodväxling som grammatiskt fenomen – exemplet svenska-koreanska // Svenska som andraspråk: i forskning, undervisning och samhälle. Lund: Studentlitteratur, 2013. S. 281.

переключении кодов К. Истман, «попытки разграничить переключение кодов, их смешение и заимствования обречены».⁶⁶

Так, под «переключением кодов» некоторые исследователи подразумевают случаи, в которых оба кода сохраняют свои языковые характеристики, а под «смешением кодов» – некое слияние между ними. Ю. Майзель описывает переключение кодов как прагматический навык выбора языка в зависимости от собеседника, темы, контекста и т.д., а его смешение – как синтез двух грамматических систем.⁶⁷

Некоторые исследователи дифференцируют случаи употребления заимствованной лексики от переключения кодов следующим образом:

- 1) «Общеупотребительные слова (*all right*, англ. «хорошо, прекрасно»);
- 2) Слова, морфологически и фонетически интегрированные в язык (*mejl*, шв. «электронная почта»);
- 3) Говорящий является монолингвом».⁶⁸

Так, П. Гарднер-Клорос в своей работе «Переключение кода» уже в определении данного понятия отмечает, что использующий соответствующую языковую стратегию индивид должен быть билингом.⁶⁹

В своём романе «На красном глазу» Ю. Х. Кемири отражает переход героев со шведского языка на арабский при помощи изменения грамматического и синтаксического строя их речи на соответствующий норме шведского языка:

- 1) ”*Du har så rätt, Halim! Jag borde ju stå på scenen och spela Estragon! Det är en sån roll som passar mig.*” (К, 50): «Ты прав, Халим! Я должен стоять на сцене и играть Эстрагона! Такая роль мне подходит».

⁶⁶ Gardner-Chloros P. Code-switching. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 10.

⁶⁷ Ibid. P. 13.

⁶⁸ Norrby C., Håkansson G. Introduktion till sociolingvistik. Lund: Studentlitteratur, 2015. S. 226.

⁶⁹ Gardner-Chloros P. Op. cit. P. 5.

2) ”*Förresten, Halim. Hur går det med kvinnorna? Les femmes? Kvinnorna?*” (К, 120): «Кстати, Халим, как обстоят дела с женщинами? *Les femmes? Женщинами?*» (двойное переключение кода: арабский и французский).

Аналогичную стратегию использует М. Бахтиари, когда герои романа «Называйте, как хотите» переходят со интерязыкового варианта шведского языка на фарси:

”*Jag vet verkligen inte vad jag ska säga, Bijan. Vid sådana här tillfällen tappar jag talförmågan.*” (В, 214): «Я правда не знаю, что сказать, Биджан. В таких случаях я теряю дар речи».

Иногда вышеупомянутые авторы используют в своём тексте транслитерированные слова на арабском и фарси, если их значение можно понять из контекста:

1) ”*Jag går och lägger mig. Tsbahallscher*”, *jag sa.*

”*Tsbahallscher*”, *pappa svarade*”. (К, 43):

« – Я пойду лягу. *Tsbahallscher*, я сказал.

– *Tsbahallscher*, папа ответил».

2) ”*Persisk litteratur. Vad vet man om det när man är född och uppvuxen i Husie? Ingenting, nada, hichi*” (В, 62): «Персидская литература. Что знает о ней человек, родившийся и выросший в Хюсие? Ничего, *nada, hichi*».

Стилистические приёмы, включающие использование писателями таких особенностей мультиэтнического языка, как богатый сленг, оригинальные устойчивые выражения, прямой порядок слов и переключение кодов в совокупности создают уникальный стиль, характерный для произведений иммигрантской литературы данного периода.

Так, частотность употребления прямого порядка слов достигает в романе Кемири практически ста процентов – в произведении присутствует лишь один пример грамматически корректного порядка слов, что, скорее

всего, является случайностью: ”*Den värsta möjliga gruppen (trodde jag)*” (К, 102): «Худшая группа из всех возможных (подумал я)». В новелле Венгера случаи употребления прямого порядка слов преобладают над обратным в соотношении шестьдесят один к пятидесяти трём. В меньшей степени писатель прибегает к отражению различных грамматических отклонений от нормы шведского языка: так, в романе можно обнаружить всего пять примеров употребления слов в неверном роде и такое же количество случаев опущения *att*.

При передаче диалогов на мультиэтническом языке молодёжи Бахтиари чаще всего использует в своём романе ошибочные формы местоимений и глаголов. Так, некорректное употребление объектных местоимений встречается в тексте в тринадцати случаях, а спряжения глаголов – в семнадцати. По сравнению с другими рассматриваемыми произведениями, в романе «Называйте, как хотите» можно обнаружить относительно небольшое число единиц мультиэтнического сленга. Саттарванди, в свою очередь, избегает в своём романе прямого порядка слов и отклоняющейся от норм грамматики, но при этом использует большое количество различных ругательств.

Переключение кода можно обнаружить в романах Бахтиари и Кемири, при этом в большинстве случаев оно отображается в виде перехода от несоответствующей норме языка речи к грамматически, синтаксически и фонетически корректному варианту.

2. Лингвистические особенности интерязыкового варианта шведского языка

Рассматривая такое явление, как мультиэтнический язык молодёжи, важно отличать его от понятия интерязыка – промежуточного варианта изучаемого языка, на котором индивид начинает говорить в процессе его освоения, ещё не достигнув достаточного уровня владения им.⁷⁰ В отличие от

⁷⁰ Панькин В. М., Филиппов А. В. Языковые контакты: краткий словарь. М.: Флинта: Наука, 2011.

более конвенционализированного, стабильного и имеющего расширенный речевой репертуар мультиэтнического языка, интерязык более идиосинкратичен, неустойчив, а его носитель не имеет способности менять регистры и обладает ограниченным языковым репертуаром⁷¹.

Согласно Л. Экберг, молодые люди, выросшие в мультикультурных районах больших шведских городов, делают в своей речи настолько мало ошибок, что их можно принять за коренных жителей. Однако те малочисленные отклонения от языковой нормы, которые всё-таки присутствуют в их речи, можно отнести к тем же типам ошибок, которые совершают носители интерязыкового варианта шведского языка⁷².

В своей работе «Шведский язык иммигрантов» У.-Б. Котсинас определяет интерязык как «систему с ограниченным словарным запасом и небольшим количеством грамматических маркеров, которая впоследствии становится более обширной и усложнённой»⁷³. К основным особенностям шведского интерязыка Котсинас относит, в частности, следующее:

- 1) Фонетические ошибки: ”*Do har inte varit esnell*” (В, 91): «Вы не были дабры»; ”*Vi kommer ferom en bra familj*” (В, 108): «Мы из хорошей семьи»;
- 2) отсутствие речевой вариативности;
- 3) преобладание конкретных существительных над абстрактными;
- 4) частое использование вопросов «понимаешь/понимаете?» в конце высказываний: ”*...min hemland är.. inte otan historia. Do ferstår?*” (В, 149): «... мая родина... не без истории. Панимаешь?»; ”*Vem teror? Ferstår do?*” (В, 150): «Кто так думает? Ты панимаешь?»;

⁷¹ Fraurud K. Några sociolingvistiska förutsättningar för språklig variation och mångfald i Rinkeby // Svenskans beskrivning (26, 2002). Förhandlingar vid Tjugosjätte sammankomsten för svenskans beskrivning. Uppsala den 25-26 oktober 2002. Uppsala: Hallgren & Fallgren, 2004. S. 31.

⁷² Ekberg L. Grammatik och lexikon i svenska som andraspråk på nästan infödd nivå // Svenska som andraspråk: i forskning, undervisning och samhälle. Lund: Studentlitteratur, 2013. S. 262.

⁷³ Kotsinas U.-B. Invandrarsvenska. Uppsala: Hallgren & Fallgren, 2005. S. 15.

- 5) крайне редкое использование темпоральных вспомогательных глаголов, отсутствие форм плюсквамперфекта и формы *komma att* (шв. «собираться что-то сделать»);
- 6) опущение формального подлежащего *det*: ”*Micke bera med te*” (В, 139): «Очень вкусно с чаем»;
- 7) отсутствие длинных цепочек придаточных предложений;
- 8) использование прямого порядка слов в придаточных предложениях: ”*När jag var hos militären, jag hade en kompis faktisk*” (В, 107): «Когда я служил в армии, у меня был, кстати, друг»;
- 9) использование лексических единиц в начальной форме⁷⁴: ”...*dom komma med för exempel golt hår och seja till dig...*” (В, 150): «... они приходить, в пример, с золотыми волосами и гаварить тебе...»; ”*Idag dom bara lesa och sen dom acceptiera*” (В, 285): «Сегодня они просто учить, а патом принимать» и т.д.

Другой шведский исследователь, Р. Чельстрём, наряду с прямым порядком слов в придаточных предложениях, выделяет следующие особенности шведского интерязыка:

- 1) использование глагола *gå* (шв. «идти») вместо *åka* (шв. «ехать»);
- 2) ошибки в определении рода существительных: ”*Var det min fel det blev krig?*” (В, 208): «Это мой вина, что началась война?»; ”...*hon är min enda barn...*” (В, 197): «... она моя единственный ребёнок...»; ”*Min hår var inte torkat*” (В, 142): «Я не высушила своя волосы»;
- 3) ошибки в употреблении предлогов: ”... *dom komma med för exempel golt hår och seja till dig...*” (В, 150): «... они приходить, в пример, с золотыми волосами и гаварить тебе...»;
- 4) опущение *att*: ”...*jag behövde åka till stan för köpa böcker...*” (К, 10): «... мне нужно было поехать в город купить книг...»; ”*Varför dom teror dom måste ferja sin hår golt*” (В, 150): «Пачему они думают нада красить своя волосы в золотой?»;

⁷⁴ Kotsinas U.-B. Invandrarsvenska. Uppsala: Hallgren & Fallgren, 2005. S. 96-161.

5) употребление форм сильных глаголов в соответствии с правилами спряжения слабых⁷⁵: ”*Dom tänkar inte*” (В, 285): «Они не думают».

У.-Б. Котсинас также выделяет в своей работе «Шведский язык мигрантов» различные стратегии носителей шведского интерязыка:

I. Стратегии по замене способов выражения:

- 1) Описательные парафразы.
- 2) Конкретизация: более или менее абстрактные слова заменяются одним или несколькими более конкретными выражениями.
- 3) Семантическое расширение: замена одного слова другим, близким по значению.
- 4) Чрезмерное использование определённых слов по причине отсутствия большого запаса синонимов: ”*Bahar?... Micke esnell*” (В, 20); ”*Vi är estolta åver Bahar. Hon micke esnell*” (В, 21): «Бахар? ... Очень добрая»; «Мы гордимся Бахар. Она очень добрая».
- 5) Чрезмерное использование отрицания, которое заменяет антонимы: ”*Do har inte varit esnell*” (В, 91): «Вы не были добры».
- 6) Повторение слов и выражений в силу небольшого словарного запаса: ”*Do vet vi jobba micke, micke, micke*” (В, 197): «Ты знаешь, мы работаем многа, многа, многа».
- 7) Интерференция: использование лексики из родного языка, переключение кода: ”*Javisst. Chetori Markos?*” (В, 139): «Конечно. *Chetori*, Маркус?».
- 8) Заимствование известных слов из других языков.
- 9) Активное использование паралингвистических средств: интонация, жесты, тембр речи и т.д.

II. Стратегии в целях избегания чего-либо:

- 1) Избегание темы разговора.
- 2) Прекращение коммуникации.

⁷⁵ Källström R. Ett språkligt genombrott? // Texten framför allt: festskrift till Aina Lundqvist på 65-årsdagen den 11 september 2003. Göteborg: Institutionen för svenska språket, Göteborgs universitet, 2003. S. 97.

3) Просьба предоставить устного переводчика.⁷⁶

Многие из описанных в данном параграфе особенностей интерязыка можно обнаружить речи героев романа М. Бахтиари «Называйте, как хотите» Пантэи и Амира, уровень владения шведским языком которых находится на относительно невысоком уровне. Самыми частотными в данном контексте являются ошибки в области фонетики, в меньшей степени – грамматики. Примечательно, что обратный порядок слов, который нередко вызывает сложности у изучающих шведский язык, в абсолютном большинстве случаев употребляется героями правильно.

Многие черты интерязыка также находят отражение и в мультиэтническом языке молодёжи, однако частотность их употребления находится в нём на гораздо более низком уровне.

⁷⁶ Kotsinas U.-B. Invandrarsvenska. Uppsala: Hallgren & Fallgren, 2005. S. 6-56.

Глава IV

Особенности разговорного стиля в произведениях иммигрантской литературы

4.1. Общая характеристика разговорного стиля

Наряду с мультиэтническим языком молодёжи рассматриваемые в данной работе произведения дают богатый материал для изучения разговорного стиля шведского языка начала XXI в. М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева и В. А. Салимовский определяют разговорный стиль как «особенности и колорит устно-разговорной речи носителей литературного языка»⁷⁷.

Среди экстралингвистических признаков, обуславливающих формирование разговорного стиля, вышеупомянутые исследователи выделяют, в частности, неофициальность и непринужденность общения, а также импровизированный характер речи. Г. Я. Солганик, в свою очередь, указывает на отсутствие официальных отношений между говорящими и отсутствие посредника.⁷⁸

Разговорный стиль шведского и русского языков обладает рядом сходных характеристик. Так, среди наиболее общих стилистических особенностей разговорной речи М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева и В. А. Салимовский выделяют непринужденный, фамильярный характер, глубокую эллиптичность, прерывистость и непоследовательность, эмоционально-оценочную информативность и аффективность, идиоматичность, определённую стандартизованность, личностный характер и т.д.

К общим лингвистическим признакам разговорного стиля вышеупомянутые исследователи относят, в частности:

- 1) Активность некнижных средств языка, в том числе употребление просторечных элементов;

⁷⁷ Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А. Указ. соч. С. 432.

⁷⁸ Солганик Г. Я. Стилистика текста. М.: Флинта: Наука, 1997. С. 178.

- 2) Неполноструктурную оформленность языковых единиц;
- 3) Ослабленность синтаксических связей между частями предложения или их невыраженность, неоформленность;
- 4) Активность экспрессивно-эмоциональной лексики и фразеологии; высокочастотность авторских неологизмов;
- 5) Общеязыковую и индивидуально-окказиональную полисемию;
- 6) Богатую синонимику;
- 7) Употребление фразеологических единиц. Широко распространено обновление устойчивых словосочетаний, их переосмысление и контаминация;
- 8) Активизацию разговорных частиц.⁷⁹

Среди общих для русского и шведского языков особенностей синтаксиса разговорной речи можно также отметить обилие простых предложений; более свободный порядок слов; преобладание сочинительной связи над подчинительной в сложных предложениях, а также многочисленные переспросы, перебивы, вставки, заполняющие паузы. Для разговорного стиля также характерны изменения в построении фраз на ходу, разорванная структура предложений и различные присоединительные конструкции.⁸⁰

К наиболее общим особенностям шведского разговорного языка в своей работе «Стиль. Обзор истории языка, функциональных стилей, литературных родов и стихотворных размеров» П. Фрёберг относит:

- 1) Наличие таких вспомогательных средств, как, например, ударение, интонация, тембр голоса и др.;
- 2) Прямое, неподготовленное выражение мысли, чувства; спонтанность и отражение оттенков темперамента говорящего;
- 3) Непоследовательный ход мыслей, отклонения от темы;
- 4) Наглядность, обилие синонимов и ярких описаний;

⁷⁹ Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А. Указ. соч. С. 434.

⁸⁰ Там же. С. 437-438.

- 5) Более конкретная передача абстрактных выражений;
- 6) Наличие преувеличений;
- 7) Повторение слов для достижения большего эффекта.⁸¹

2. Фонетические особенности

Самое яркое отражение фонетических особенностей шведского разговорного языка, а также диалектальных вариантов провинции Сконе можно обнаружить в романе М. Бахтиари «Называйте, как хотите». Так, к наиболее распространённым особенностям разговорной речи можно отнести:

- 1) Выпадение звуков, различные ассимиляции: *sån/sånt* (полная форма – *sådan/sådant*, шв. «такой/такое»), *nån/nåt* (полная форма – *någon/något*, шв. «кто-то/что-то») и т.д.: ”*För maj e de lika me att inte va nåt alls*” (В, 238): «Для меня это как вообще никем не быть»; ”*Sån svin du är*” (В, 205): «Ну ты и свинья»; ”*Du är väl inte pedofil eller nåt sånt?*” (В, 164): «Ты же не педофил или что-то в этом роде?».
- 2) Отпадение согласных на конце некоторых слов: звука [t] на конце таких слов, как, например, *det* (шв. «это/этот»): ”*Ingen kallar dej schizo för de!*” (В, 239): «Никто тебя за это шизиком не называет!»; *litet* (шв. «немного»), *mycket* (шв. «много/очень»): ”*Jag minns inte så mycket*” (В, 237): «Я не так много помню». То же самое касается звука [r] на конце таких слов, как *är* (шв. «быть/являться») или *var* (форма прошедшего времени): ”*Asså de e mitt beslut*” (В, 287): «Короче, это моё решение»; ”*Och tänk, nu va de på skoj*” (В, 203): «Подумай, это была просто шутка».
- 3) Звук [å] в быстрой речи может являться сокращённой формой союза *och* (шв. «и»), либо вариантом произношения показателя инфинитива *att* перед глаголом: ”*Man får liksom ingen chans å tänka själv*” (В, 238): «Получается, что даже нет возможности самому над

⁸¹ Fröberg P. Stil: översikt över språkutveckling, stilarter, diktarter och versformer. Stockholm: Magn. Bergvalls förlag, 1962. S. 90-92.

этим подумать»; ”*Du ska alltid få andra å känna saj dåliga*” (В, 12): «Всегда тебе надо, чтобы другие почувствовали себя плохими людьми».

4) Звук [r] на конце глаголов настоящего времени большинством носителей шведского языка артикулируется относительно слабо.

5) Окончание множественного числа некоторых существительных первого склонения *-or* может произноситься как *-er*.⁸²

Многие фонетические особенности шведской разговорной речи также могут определяться диалектальной спецификой.

3. Лексические особенности

П. Фрёберг в своей работе «Стиль. Обзор истории языка, функциональных стилей, литературных родов и стихотворных размеров» указывает на то, что для разговорной речи характерно использование одних и тех же слов, в частности, усилительных и модных, в самых различных и потому не всегда понятных для собеседника значениях. Даже несмотря на то, что разговорный язык в целом очень богат и постоянно пополняется новой лексикой, выбор слов отдельного индивида, согласно Фрёбергу, обладает определённой шаблонностью и однотипностью.⁸³

В своей работе «Язык в тексте. Справочник по стилистике» Б. Лильестранд, как и П. Фрёберг, отмечает некую стандартизованность разговорного языка, выраженную в часто повторяющихся оборотах и клише типа *som sagt var* (шв. «как уже было сказано»), *vad var det jag skulle säga* (шв. «что я хотел(а) сказать») и т.п. Согласно Лильестранду, для лексики разговорной речи также характерно наличие усилительных прилагательных и наречий, ругательств, прагматических частиц, а также фраз, выражающих желание получить от слушающего обратную связь (*förstår du?* – шв. «понимаешь?», *eller hur?* – шв. «или как?»).

⁸² Andersson L.-G. Vi säger så. Stockholm: Norstedts ordbok, 2000. S. 52-61.

⁸³ Fröberg P. Op. cit. S. 92.

Л. Г. Андерссон, в свою очередь, относит к специфике значения некоторых единиц разговорной лексики следующее:

1) *Precis* и *exakt* (шв. «точно») получили в разговорной речи расширенное значение и сегодня функционируют в качестве синонимов *jo* (шв. «ну да/ага») или *mm* (используется в значении «да/ага» и т.п.), сигнализирующих обратную связь.

2) *Satt'de* (полная форма – *så att det är*; шв. «так что...»). Данное выражение может стоять в конце высказывания говорящего с целью предоставить собеседнику возможность его дополнить.

3) *Osv* (шв. «и так далее»), *eller nåt, eller så, och så* (шв. «или/и как-то так/что-то такое») в конце фразы даёт слушающему определённую возможность толкования высказывания⁸⁴: ”*Jag ville fira dag me stil å sånt*” (В, 123): «Я хотел, чтобы мы отпраздновали стильно и всё такое».

Андерссон также отмечает наличие в шведской разговорной речи устойчивых выражений и калек с английского языка.

4. Сленг

Одним из самых разнообразных пластов разговорной лексики, безусловно, является сленг, примеры которого можно обнаружить в каждом из рассматриваемых произведений иммигрантской литературы. По определению К. Мёйера, сленг – это «частично создающий новые элементы, в высшей степени неформальный и ненормированный язык групп, который часто встречается среди молодёжи, особенно в больших городах, или людей, связанных профессиональными интересами».⁸⁵ Сленг является выражением определённого менталитета, показателем общности и взаимопонимания между людьми.

Как отмечает в своей работе «Сленг и тайные языки» Й. Бергман, сленг сознательно отступает от укоренившихся в языке слов, которые

⁸⁴ Andersson L.-G. Vi säger så. Stockholm: Norstedts ordbok, 2000. S. 18-25.

⁸⁵ Møijer K. Svensk språkstil: stil & stilanalys. Solna: Ekelund, 1989. S. 60.

воспринимаются говорящим как устаревшие. Он стремится к созданию новой, экспрессивной лексики, в результате чего образы и метафоры приобретают в нём особое значение. Именно стилистические оттенки и ассоциации, а не форма, являются ключевыми понятиями для толкования сленговой лексики.

Лексический состав сленга постоянно обновляется, а его источниками могут являться, в частности, шведские диалекты, иностранные языки и так называемые тайные языки, как, например:

- 1) Язык трубочистов (шв. *knoparmojet*): *syrra* (от шв. *syster* – «сестра»), *firre* (от шв. *fisk* – «рыба») и др.
- 2) Арго – в узком смысле, тайный язык асоциальных и криминальных групп, состоящий из слов, отражающих род занятий, интересы и ценности соответствующей группы: *dra* («сбегать»): ”*öh, lyssna, vi drar... vi bara drar...*” (S, 90): «Э, слушай, мы свалим... мы просто свалим...»; *spana* («красть»), *pundare* («наркоман»): ”*Stick här ifrån, din jävla pundare...*” (S, 109): «Вали отсюда, нарик вонючий...» и др.
- 3) Романи – язык цыган: *lattjo* («хороший, забавный»), *tjej* («девушка») – исходное значение – «дочь», одно из самых общеупотребительных сленговых слов, предположительно вошло в шведский язык в начале XX в.: ”*Danstjejerna är pyttesmala...*” (K, 37): «Девушки с танцев вообще худющие»; ”*En del saker kan du kanske bara snacka me tjejer om...*” (B, 239): «Что-то ты, наверное, можешь обсуждать только с девушками...».
- 4) Монсинг – язык вестгётских торговцев: *stålar* («деньги, бабло»), *sno* («красть»), *spänn* («крона»): ”*Tjugo spänn att jag knäcker dig, jao*” (K, 38): «Двадцатка, что я тебя сделаю, чувак» и др.⁸⁶

Помимо вышеупомянутых тайных языков, источником сленговой лексики могут быть слова с заменёнными буквами или слогами. Й. Бергман

⁸⁶ Möijer K. Op. cit. S. 61.

выделяет так называемые *u-*, *all-* и *u-all-språk* (*u-*, *all-* и *u-all-языки*), в которых соответствующие звуки могут заменять первые или последние буквы различных слов: *uk – tak* (шв. «крыша»), *urönpall – päron* (шв. «груша») и т.п. Аналогичным образом функционируют *j-* и *ju-språk* (*j-* и *ju-языки*): *jågel – fågel* (шв. «птица»). Сленговая лексика также может образовываться путём произнесения слов в обратном порядке: *kaffi – fika* (традиционный шведский перерыв на кофе).⁸⁷

П. Фрёберг определяет сленг как язык определённой группы, представители которой употребляют в своей повседневной речи термины из профессиональной среды или объединяющей их области интересов.⁸⁸ Помимо элементов из иностранных и тайных языков, а также шведских диалектов, в лексическом составе сленга можно обнаружить устаревшие или вышедшие из употребления слова (*läskig* от др.шв. *ledskug* – «жуткий, неприятный»).

Одной из ведущих исследовательниц шведского сленга является У.-Б. Котсинас. В своей работе «Книжка про сленг, типа» Котсинас определяет сленг как «слова, которые не всегда уместны в письменной речи и не являются частью литературного языка».⁸⁹ Это эмоционально-оценочные, зачастую остроумные слова, которые иногда скорее скрывают, чем отражают истинные чувства говорящего. В сленге проявляется склонность человека смотреть на мир с юмором и определённой долей критики, а также способность экспериментировать с языком.

Согласно Котсинас, сленг может восприниматься как грубый язык и ассоциироваться с большими городами и подростками, не относящимися к высшим кругам общества. Молодые люди, использующие в своей речи сленговые слова, маркируют свою принадлежность к молодому поколению, способному противостоять всему традиционному обществу. Примечательно,

⁸⁷ Bergman G. Slang och hemliga språk. Stockholm: Prisma, 1964. S. 73.

⁸⁸ Fröberg P. Op. cit. S. 94.

⁸⁹ Kotsinas U.-B. En bok om slang, typ. Stockholm: Norstedts ordbok, 2003. S. 7.

что мотивы употребления мультиэтнического языка молодёжи, описанного в предыдущей главе, носят аналогичный характер.

С точки зрения морфологии, существуют различные способы образования сленговой лексики. Так, в своей работе «Язык молодёжи» Котсинас выделяет наличие таких «сленговых» суффиксов, как *-is*, *-o*, *-an* и различных слов, получивших функцию усилительных приставок: *jätte-*, *skit-*, *as-*, и др.

Суффикс *-is* существует в шведском языке около 200 лет и предположительно пришёл в него из латыни. Изначально школьники добавляли его к словам с целью сделать их более «забавными». Сегодня лексика с соответствующим суффиксом может иметь различные коннотации: быть уменьшительно-ласкательной или, наоборот, уничижительной, а сам суффикс используется для того, чтобы перевести слово в разряд сленговых, укоротить его или сделать более «шведским»:

- 1) ”*Eh tjokis, jag säger pass på dina regler...*” (W, 9): «Эй, жирдяй, мне пофигу на твои правила...».
- 2) ”... *din jävla taxichaffis...*” (S, 144): «... водила хренов...».
- 3) ”*Istället för att svara jag gick prommis nära Tanto...*” (K, 78): «Вместо ответа я пошёл прошвырнуться у Танто...».
- 4) ”*Såklart dom skulle kolla efter ny skådis...*” (K, 181): «Естественно они будут искать нового актёра...».
- 5) ”*Han kallar sin pappa en fegis...*” (B, 268): «Он называет своего батю трусом...».

Так называемые усилительные приставки в шведском сленге состоят из слов, имеющих самостоятельное значение, однако если включающее их сложное слово становится употребительным, они практически полностью теряют своё исходное значение и начинают функционировать как приставки. Так, *as* имеет в шведском языке словарное значение «падаль», а *jätte* – «великан, гигант», однако присоединяясь к другим словам, они получают исключительно усилительную функцию. Среди наиболее распространённых

приставок такого рода можно выделить популярные в различное время *hel-*, *toppen-*, *ur-*, *bauta-*, *mega-*, *ultra-*, *över-*, *super-*, *kanon-*, *dunder-*, *pang-*, *piss-*, *gör-*, *döds-*, *bajs-*, *sp-*, *rå-*, *ap-*, *tjock-* и др.⁹⁰ Помимо *as-* и *jätte-*, одними из наиболее употребительных усилительных приставок на данный момент являются *skit-* (словарное значение «дерьмо»), *svin-* («свинья») и *fett-* («жирный, толстый»).

- 1) ”*Men jag svär, de e övergott*” (В, 202): «Клянусь, это мега-вкусно».
- 2) ”*Den scenen e helt överbra*” (В, 207): «Это сцена – просто бомба».
- 3) ”*Skitcool!*” (В, 221): «Дико круто!».
- 4) ”*Pappa kom in med stor asful bukett*” (К, 72) : «Папа вошёл с большим мега-уродским букетом».

В качестве усилительных в сленге также могут использоваться отдельно стоящие слова типа *sjukt* (словарное значение «больной»), *fett*, *värsta* («худший»), *grymt* («жестокий»), *enormt* («огромный»), *oerhört* («невероятно»), *kolossalt* («колоссально»), *förbannat*, *jävligt* и *jävla* («чертовски»), *helt* («совсем, совершенно»), *himla* (устаревшая форма генетива *himmel* – шв. «небо») и др. Различные усилительные слова можно встретить в каждом из рассматриваемых в данной работе художественных произведений:

- 1) ”*Du är helt sp*” (В, 67): «Ты полный дебил».
- 2) ”*Hon var värsta söt...*” (W, 12): «Она была ужасно симпатичная...».
- 3) ”*Och inte bara en gång len, fett många*” (W, 18): «И не один раз, чувак, а дофига».
- 4) ”*Pjäsen verkade fett konstig*” (К, 29): «Пьеса показалась мне дофига странной».
- 5) ”*... hans scen hade varit så grymt fet!*” (К, 49): «... его сцена была просто охренительна!».

⁹⁰ Kotsinas U.-B. En bok om slang, typ. Stockholm: Norstedts ordbok, 2003. S. 237.

6) ”... *kanske värsta gussen kommer fram och vill kasta frisbee*”(K, 141): «... и может ко мне подойдёт обалденная цыпочка и предложит покидать летающую тарелку».

7) ”*låt dem komma så ska jag visa dig vem som är värsta grejen...*” (S, 72): «пусть приходят – я им такое покажу...».

8) ”*Den här är fett enkel att koppla*” (S, 92): «Его подключить – как нефиг делать».

В шведском сленге часто можно встретить заимствования из английского языка (*shit, cool* – англ. «крутой»), которые могут употребляться как в своей исходной форме, так и претерпевать различные трансформации. Так, некоторые английские слова получают шведское написание и произношение: *fajt* (от англ. *fight* – «драка»), *tuff* (от англ. *tough* – «крутой, жёсткий»); словоизменительную парадигму: *bebisar* (от англ. *baby* – «ребёнок», *-is* – шведское «сленговое» окончание, *-ar* – окончание множественного числа), *bitchen* (от англ. *bitch* – «сука», *-en* – определённый суффиксированный артикль), *dejta* (от англ. *date* – «встречаться», *-a* – окончание глагола). Иногда английские слова могут образовывать со шведскими композиты: *asnajs* (усилительная приставка *as-* плюс англ. *nice* – «хороший, милый»):

1) ”*Falska bitches allihopa*” (B, 164): «Сучки фальшивые».

2) ”*Oh, tack baby*” (B, 123): «О, спасибо, детка».

3) ”*Är allt cool?*” (K, 22): «Всё норм?».

4) ”... *om jag inte går får jag inga cash...*” (S, 114): «... если я не пойду, бабла у меня не будет...».

Использование сленговых слов в разговорной речи зачастую требует от говорящего наблюдательности, фантазии и чувства юмора и отнюдь не означает, что употребляющий его человек обладает скудным словарным запасом. Напротив, это свидетельствует о его способности к языковому творчеству и свободному владению ресурсами родного языка.

5. Ругательства

Помимо сленговых слов, в шведской разговорной речи также можно услышать примеры обценной лексики. Среди рассматриваемых в данной работе произведений наибольшее количество ругательств было обнаружено в романе Х. Л. Саттарванди «Застывшие».

В своей работе «Неприличные слова. Ругательства, диалекты и другое зло» Л. Г. Андерссон пишет о происхождении шведских ругательств, их особенностях и причинах употребления. Мотивы их использования исследователь разделяет на психологические, социальные и языковые.

К психологическим мотивам Андерссон относит чувства, к социальным – желание человека показать свою «крутость», шокировать, выразить принадлежность к определённой группе, оскорбить другого, показать своё дружеское расположение или перейти на «ты». К языковым мотивам относится тот факт, что ругательства используются говорящим как и любые другие языковые единицы, являются особыми и необходимыми словами, а также то, что в языке существуют различные стилистические нормы.

С точки зрения грамматики ругательства могут по-разному функционировать в структуре предложения, Л. Г. Андерссон классифицирует соответствующие слова следующим образом:

- 1) Самостоятельные выражения, грамматически не связанные с другими частями предложения, что позволяет легко вставлять в шведскую речь даже иностранные ругательства: ”*Shiiit, haha, de hade jag inte tänkt på*” (В, 120): «Блиин, хаха, про это я не подумал»; ”*Fan, asså jag e lessen att de blev så här*” (В, 123): «Чёрт, мне реально жаль, что так случилось»; ”*shiiiiit, Ey, lyssna, jag röstar inte ens*” (S, 11): «Блиин, послушай, я даже не голосую».
- 2) Слабо привязанные к предложению: могут вставать в его начале или конце: ”*Fan asså Amir, du e hur grym som helst*” (В, 66): «Чёрт побери, Амир, да ты вообще крутой мужик»; ”*Shiiit asså, ska du stå*

framför en massa kärringar och berätta...” (B, 171): ««Блиииин, ты собираешься стоять перед этими тётками и рассказывать...»».

3) Являются членом предложения: подлежащим, дополнением, сказуемым, именной частью составного именного сказуемого или подвижным обстоятельством: ”... *den som fittar sej är ute*” (W, 9): «... тот, кто зассыт, выбывает»; ”*Bahar, stäng av skiten*” (B, 84): «Бахар, выключи это дерьмо»; ”*Jag måste tvätta bort skiten nu*” (B, 129): «Мне нужно смыть это дерьмо».

4) Характеризуют часть предложения: выступают в роли определения, выраженного прилагательным, или обстоятельства степени: ”*Fan snackar du, jävla arab?*” (W, 17): «Что ты блин несёшь, араб чёртов?»; ”... *jävla unge, vad har du gjort...*” (W, 26): «... мелкий урод, что ты наделал...»; ”... *du är så jävla smart*” (B, 12): «... ты такая дофига умная». Стоит отметить, что, согласно норме шведского языка, обстоятельства степени оканчиваются в нём на *-t*, однако ругательства в данной позиции чаще всего оканчиваются на *-a* (*himla, jävla* – шв. «чертовски»). В роли определения или обстоятельства также можно наблюдать слова, оканчивающиеся на *-s*, при этом данное окончание не считается показателем генетива. (*satans* – шв. «чертовски»).

5) Являются частью слова: ”... *vad skulle du säga bögjävel?*” (W, 28): «... что ты хотел сказать, пидор?»; ”*Skitunge!*” (W, 29): «Дерьма кусок!»; ”*Jävla rassefittor allihopa*” (B, 164): «Поганые расисты»; ”*Jag tänkte svennefittor och rasistjävlar...*” (K, 49): «Сраные шведы и расисты вонючие, подумал я...».

6) Другое: усиливают вопросительные местоимения, слова, личные местоимения и т.д.⁹¹: ”*Vem fan är du och vem fan är din mamma?*” (W, 9): «Да кто ты нахрен такой, и кто вообще твоя мамаша?»; ”*Hur fan vet du va acetone luktar?*” (B, 202): «Откуда ты знаешь, как пахнет хренов

⁹¹ Andersson L.-G. Fult språk: svordomar, dialekter och annat ont. Stockholm: Carlsson, 2004. S. 102-107.

ацетон?»; ”*Vem fan är du, tönt...*” (S, 57): «Ты кто вообще такой, мудило...».

Одной из отличительных особенностей шведских ругательств является наличие конструкций в форме «притяжательное местоимение + единица обценной лексики»:

- 1) ”*Din dumma jävel*” (W, 29): «Дебил ты конченный».
- 2) ”*din jävla luffare*” (S, 16): «бродяга вонючий».
- 3) ”*Jag pratar om din jävla mun, din dåre...*” (S, 52): «Я говорю про твой грязный рот, дебил...».

Большинство шведских ругательств традиционно затрагивают такие сферы, как религия, сексуальность и продукты жизнедеятельности. Как отмечает в своей работе «Язык молодёжи» У.-Б. Котсинас, самым распространенным ругательством в Швеции является слово *jävel* – шв. «чёрт, дьявол», за которым следует слово *fan* с аналогичным значением. В целом в шведском языке существует множество вариантов данных ругательств, употребляемых в зависимости от контекста и личности говорящего. *Jävel* и его производные могут менять свой фонетический облик (функционировать в качестве эвфемизмов), а также выступать в роли различных частей речи и членов предложения:

- 1) ”*Det är fan sjukt att baxa från nån man känner*” (W, 27): «Реально стрёмно тырить у того, кого знаешь».
- 2) ”*... dom såg dig gråta jävla tönt...*” (W, 28): «... они видели, как ты плачешь, дебил».
- 3) ”*Du är så jävla ful*” (B, 121): «Ты редкостный урод».
- 4) ”*Jävla nassar*” (B, 165): «Чёртовы нацисты».
- 5) ”*Du är fan bränd i hela skallen*” (S, 16): «Блин, да ты больной на всю голову».

В прошлом табуированность ругательств, связанных с Дьяволом, была вызвана страхом людей перед тем, что он мог услышать их слова и предстать перед ними, однако на сегодняшний день данная лексика утратила прежние

коннотации и больше не воспринимается носителями языка как обценная. В связи с этим всё большее распространение получают ругательства, связанные, в частности, с сексуальностью и продуктами жизнедеятельности человека:

- 1) ”...*han höjde till max så han knullade hela Vårberg*” (W, 16): «... он установил максимальную громкость и поимел весь Ворберг».
- 2) ”*Jag bajsar på er...*” (W, 10): «Срал я на вас».
- 3) ”*Jag pissar på reglerna...*” (W, 10): «Мне насрать на правила...».
- 4) ”*Äh, skit i det*” (W, 18): «Да насрать».
- 5) ”*Jag bajsar på eran protokoll...*” (K, 103): «Мне насрать на ваш протокол...».

В своей работе «Книжка про сленг, типа» У.-Б. Котсинас приводит примеры слов, частично утративших своё исходное значение и зачастую употребляющихся в качестве ругательных. Так, слово *bög* (шв. груб. «педик»), пришедшее в шведский язык из монсинга (языка вестгётских торговцев), изначально обозначало человека, которого легко обмануть. В Стокгольме оно стало употребляться по отношению к людям из сельской местности, а с конца XIX в. – к гомосексуалистам. Сегодня слово *bög* может быть использовано как оскорбительное не только по отношению к гомосексуалисту, но и к любому другому человеку.

- 1) ”... *om du bangar du är tönt, du är bög*” (W, 25): «... если засышь, то ты чмо и пидор».
- 2) ”*Jävla bögar. De va en ny tröja!*” (B, 45): «Чёртовы педики. Это была новая кофта!».
- 3) ”... *alla de där jävla söderbögarna är fittor...*” (S, 44): «... все эти пидоры из Сёдермальма – мудозвоны...».
- 4) ”*Öh, öh – lyssna, de ska lära sig, bögfittorna...*” (S, 47): «Эй, эй, ты только послушай, они учиться собрались, пидорасы...».

Аналогичные изменения произошли со словами *fitta* и *kuk* – грубыми обозначениями для женских и мужских половых органов соответственно.

Согласно данным опроса, приведённым У.-Б. Котсинас, 85% респондентов воспринимают слово *fitta* как название женских половых органов, а 15% – как ругательство, употребляемое по отношению к злему, уродливому или странному человеку; слово *kuk* 87% респондентов определяют как мужской половой орган, 13% – как обозначение для злого или плохого человека; 90% респондентов используют слово *bög* по отношению к гомосексуалистам, а 10% – к, по их мнению, глупым, злым или странным людям⁹²:

- 1) ”*Vems händer darrade, vem var en fitta?*” (W, 21): «Чьи руки дрожали, кто ссыкло?».
- 2) ”*Alex den fittan gör ingenting*” (B, 264): «Этот мудозвон Алекс ничего не делает».
- 3) ”*Tog djupaste andetag och sen jag tittade upp på fittorna*” (K, 20): «Я глубоко вздохнул и посмотрел на этих мудил».
- 4) ”*... alla andra rappare är fittor och sellouts*” (K, 94): «... все другие рэпперы – продажные шлюхи».

Слово *hora* (шв. «шлюха»), вошедшее в шведский язык в 1998 году, сегодня также утратило часть своего исходного значения и может употребляться как по отношению к девушкам, так и молодым людям в качестве уничижительного:

- 1) ”*Käfta hora, tror du jag är fitta som du?*” (W, 11): «Заткни пасть, урод, ты думаешь я такое же ссыкло, как ты?».
- 2) ”*...där höll du käften hora...*” (W, 21): «... вот ты и заткнулся, мудило...».
- 3) ”*Jävla horbög*” (K, 57): «Пидор чёртов».
- 4) ”*Håll käften, din jävla hora...*” (S, 10): «Заткнись, мразь...».

В числе шведской обценной лексики можно встретить грубые выражения и на других языках (например, англ. *fuck*), однако по замечанию Котсинас, заимствованные ругательства не кажутся говорящим такими же грубыми, как шведские:

⁹² Kotsinas U.-B. En bok om slang, typ. Stockholm: Norstedts ordbok, 2003. S. 166.

- 1) ”*Va fan gör du bitch?*” (В, 45): «Ты чё творишь, сука?».
- 2) ”*Bullshit*” (В, 164): «Брехня».
- 3) ”*Typ sextio sidor – Sonja är fuckad*” (К, 82): «Типа на шестьдесят страниц – Соне капец».
- 4) ”*Nej, jag kommer hem till dig sen, bitch*” (К, 176): «Нет, я приду к тебе позже, сука».
- 5) ”*Helt fucking borta i skallen*” (S, 82): «Вообще без мозгов нахрен».

6. Прагматические частицы в разговорном языке молодёжи

В своей работе «Язык молодёжи» У.-Б. Котсинас уделяет особое внимание тем лексическим единицам разговорного языка, которые в повседневной жизни используют именно молодые люди. По наблюдению исследовательницы, одной из специфических черт разговорной речи подростков является использование большого количества прямой речи и цитат. Говорящий может передавать чужие слова очень приблизительно и иногда даже преувеличивать их реальное содержание – данный приём позволяет добавить в речь драматизма и одновременно выразить своё отношение к рассказанному. Стремясь как можно ярче проиллюстрировать сказанное или сделать акцент на чём-то важном, подросток также может использовать так называемые псевдоцитаты, то есть полностью фиктивные выражения.⁹³ Как реальные, так и «фальшивые» цитаты могут вводиться, в частности, словом *ba* (полная форма – *bara*, словарное значение – «только»), выполняющим функцию глагола (например, «говорить»):

- 1) ”*Och han ba’ hur fan kör ni? Och vi ba’ FUCK YOU*” (В, 132): «И он такой «вы вообще как водите?» А мы такие «ДА ПОШЁЛ ТЫ».
- 2) ”*Naj, ge maj en cigg sa jag. Och han ba’ du får ingen... Så jag ba’ ey jag har inga problem*” (В, 203): «Не, дай, говорю, мне сигу. А он такой «не дам»... И я такой «Слышь, у меня проблем нет».

⁹³ Kotsinas U.-B. Ungdomsspråk. Uppsala: Hallgren & Fallgren, 2004. S. 42.

Подобные слова – *bara* (шв. «только»), *så här* (шв. «вот так»), *typ* (шв. «типа»), *då* (шв. «тогда»), *ungefär* (шв. «примерно») и др. лингвисты называют по-разному: маркёры разговорного языка или дискурса, наречия отношения говорящего, прагматические частицы и т.д. Общим для них является тот факт, что их значение в разговорной речи несколько отличается от словарного. Примеры различных прагматических частиц шведского языка встречаются в речи большинства героев рассматриваемых произведений иммигрантской литературы.

Согласно Котсинас, прагматические частицы могут, в частности, фокусировать внимание слушающего на определённых частях высказывания или отражать неуверенность говорящего в их содержании или форме. Так, *liksom* (шв. «почти/в каком-то роде») может заполнять паузу после неоконченной реплики или маркировать преувеличение или неуверенность; *typ* и *ungefär* – отсутствие необходимости трактовать высказывание слишком буквально; *alltså* (шв. «то есть») – желание исправить или уточнить сказанное, либо констатировать что-то. В своей книге «Мы говорим так» Л. Г. Андерссон отмечает, что *liksom* также может сигнализировать слушающему о том, что сказанное не стоит толковать буквально, а *typ* – смягчать утверждения и предоставлять собеседнику определённую возможность для их толкования:

- 1) ”*Så jävla fegt liksom*” (В, 15): «Такая как-бы трусость вообще».
- 2) ”*Hon är liksom ingen tjej som man... ja du fattar*” (К, 93): «Она как бы не та девушка... ну ты понял».
- 3) ”*Har du typ ätit choklad eller nåt annat brunt?*” (В, 82): «Ты, типа, шоколадку или что-то другое коричневое ела?».
- 4) ”... *shonnen vill typ springa hundra meter ey...*” (W, 21): «... слышь, чувак типа сто метров пробежать собрался...».
- 5) ”*Den kommer att släppas nu, typ under hösten*” (К, 93): «Он уже вот-вот выйдет, типа осенью».

6) ”*Asså, jag vet de e respektlöst och så...*” (B, 264): «Короче, я знаю, что это типа неуважительно и всё такое...».

7) ”*Fan vad vi garvade alltså, abou du skulle sett*” (W, 15): «Блин, как мы угорали вообще, ты бы видела».

Då может маркировать конец добавленной в высказывание дополнительной информации; отделять главное предложение от придаточного и функционировать в качестве запятой; выполнять функцию восклицательного или вопросительного знака; маркировать нетерпение говорящего по отношению к чему-либо.⁹⁴ Согласно Андерссону, *då* также может являться запросом на обратную связь, вставать после призыва собеседника к действию или обозначать, что говорящий раздражён:

1) ”*Men säg vad det är då!*” (B, 252): «Скажи уже, в чём дело!».

2) ”*Vad heter hon på riktigt då?*” (K, 92): «И как же её на самом деле зовут?».

3) ”*Dra ner skiten då*” (S, 101): «Опусти уже это дерьмо».

Вопросительное *va* (полная форма – *vad*, шв. «что») в конце предложения может функционировать в качестве запроса на обратную связь, которая, в свою очередь, может выражаться такими словами, как *ja/nej precis* или *ja/nej exakt* (шв. «да/нет точно»):

1) ”*Ey, mingo, vem ska hjälpa dig nu – va...*” (S, 71): «Эй, debil, ну и кто тебе теперь поможет, а...».

2) ”*Ey ey, är du bara modig mot horungar från Södermalm, va...*” (S, 79): «Эй, эй, ты такой борзый только с этими мелкими уродами из Сёдермальма, да...».

3) ”*... ny skjorta va, har du blivit snobb nu.*” (W, 12): «... новая рубашка, что, в снобы заделался, да».

4) ”*Du fattar att folk skrattar åt dej när du sajer sånt va?*” (B, 220): «Ты же понимаешь, что людям смешно, когда ты такое говоришь, да?».

⁹⁴ Kotsinas U.-B. Ungdomsspråk. Uppsala: Hallgren & Fallgren, 2004. S. 88-90.

Таким образом, прагматические частицы могут выполнять различные функции и тем самым помогать говорящему структурировать высказывания или планировать их продолжение. Данный подход опровергает теорию о том, что прагматические частицы являются бесполезными и могут быть исключены из высказывания без потери смысла.

7. Особенности грамматики

Среди основных грамматических особенностей разговорного языка П. Фрёберг выделяет преобладание аналитических форм пассива (*bli, vara passiv*) над флективными (*s-passiv*), а также частую замену конструкций с окончанием генетива *-s* на существительное с предлогом.⁹⁵

С. Стрёмквист указывает на случаи удвоения форм супина и повелительного наклонения, при которых соответствующие окончания получают оба глагола в составе грамматической конструкции вместо одного. Также исследовательница выделяет ошибочное, по её мнению, употребление местоимений в сравнительных конструкциях типа *han är längre än mig* (шв. «он выше меня»). Данное явление действительно распространено в шведской разговорной речи, однако, согласно изданной Комитетом по шведскому языку «Книге о правильном языке», как *han är längre än jag* (шв. «он выше, чем я»), так и вариант *han är längre än mig* (шв. «он выше меня») являются верными. В первом случае употребление местоимения «я» обусловлено тем, что оно выступает в качестве потенциального подлежащего в придаточном предложении, которое может быть опущено – *han är längre än vad jag är* (шв. «он выше, чем я есть»)⁹⁶.

У. Телеман и А. М. Висельгрэн выделяют такие грамматические особенности разговорного языка, как более частотное употребление глаголов с частицами по схеме «глагол + отдельно стоящая частица», в то время как

⁹⁵ Fröberg P. Op. cit. S. 92.

⁹⁶ Svenska språknämnden, Språkriktighetsboken. Stockholm: Norstedts, 2011. S. 235.

письменный язык больше тяготеет к слитному написанию: «частица + глагол».⁹⁷

В своей работе «Язык в тексте. Справочник по стилистике» Б. Лильестранд отмечает такие грамматические особенности шведского разговорного стиля, как использование сослагательного наклонения в форме конструкции с вспомогательным глаголом или изъявительного наклонения; опущение *ha* в составе формы супина в придаточных предложениях и разложение сложных глаголов и существительных на конструкции из нескольких слов при наличии такой возможности.⁹⁸

8. Особенности синтаксиса

Синтаксис разговорного стиля шведского языка, безусловно, обладает рядом отличительных особенностей, на которые указывают многие исследователи, занимающиеся описанием разговорной речи.

Так, П. Фрёберг в своей работе «Стиль. Обзор истории языка, функциональных стилей, литературных родов и стихотворных размеров» выделяет следующие синтаксические особенности шведского разговорного языка:

- 1) Предложения состоят, в основном, из коротких главных и простых придаточных, вводимых, в частности, *där* (шв. «где»), *som* (шв. «который») или *för* (шв. «потому что/поскольку»). Как сами предложения, так и их части связываются в длинные цепочки при помощи союзов (*och* (шв. «и»), *men* (шв. «но»), *så* (шв. «так что/то»):
”*Iransk litteratur. Asså jag e iranier å så va, men jag kan inte så mycket om sånt. De e typ poeter från skitlängesen, som alla känner till å så. Min moussa har nån bok hemma. Men de e på persiska.*” (В, 63): «Иранская литература. Ну я, конечно, иранец и всё такое, но не особо много про

⁹⁷ Teleman U., Wieselgren A. M. ABC i stilistik. Lund: Liber, 1982. S. 94-96.

⁹⁸ Liljestrand B. Op. cit. S. 152.

som vi». (B, 66): «Вы иранцы, вы такие... крутые. Я вами восхищаюсь. Вы такие... не такие, как мы»; ”*Du vet att man asså... no matter what, ska försvara dom*” (B, 206): «Ты же знаешь, что, как бы... надо защищать их, несмотря ни на что».

5) Обратный порядок слов и постановка подвижных обстоятельств перед финитным глаголом в придаточных предложениях, вводимых *att* (шв. «что»), *därför att* (шв. «потому что»), *så att* (шв. «что/так что»).

6) Короткие главные и придаточные предложения.

7) Малая степень использования распространённых определений, стоящих перед определяемым словом.

8) Некоторые подвижные обстоятельства могут занимать в предложении финальную позицию (*faktiskt, alltså*): ”*Vi är arier, faktiskt*” (B, 146): «Мы арии, вообще-то».

9) Удвоение: какой-либо член предложения дублируется в конце фразы, например, в виде соответствующего ему местоимения или повторения отрицательной частицы *inte*.

10) Различные виды эллипсов (инициальные, подразумевающие части предыдущего предложения и т.д.)¹⁰⁰: ”*Haha, lite svårt det där*” (B, 240): «Хаха, это немного сложно»; ” – *Vet inte – sa jag...*” (W, 12): « – Не знаю, – ответил я»; ”*Fällan, nu din tur igen*” (W, 14): «Фэллан, твоя очередь»; ”*Snubben är helt borta, har inte landat på fett länge...*” (S, 35): «Чувака вообще унесло, давненько не накуривался...»; ”*Värsta tönt jag svär...*” (W, 21): «Редкостный дебил, клянусь».

В своей статье «Типичный разговорный язык» С. Стрёмквист указывает на такую особенность разговорного языка, как полисиндетон, или многосоюзиe. По определению П. Кассирера, при полисиндетоне «...части предложения, сами предложения или слова в них соединяются многочисленными повторяющимися союзами, например, *och* (шв. «и»)»¹⁰¹:

¹⁰⁰ Teleman U., Wieselgren A. M. Op. cit. S. 83-96.

¹⁰¹ Cassirer P. Stilistik & stilanalys. Stockholm: Natur och kultur, 2003. S. 87.

”En del saker kan du kanske bara snacka me tjejer om. Och en del saker kan du snacka me dina föräldrar om. Och sen e de saker som du skulle kunna snacka me vem som helst om” (В, 239): «Что-то ты, наверное, можешь обсуждать только с девушками. А что-то с родителями. А какие-то вещи вообще с кем угодно». Отсутствие подобных связей называется асиндетоном, или бессоюзием.

Описанные в данной главе особенности шведской разговорной речи, которые используют в своих произведениях писатели, делают язык произведений иммигрантской литературы более «живым» и позволяют авторам точнее передать образ мыслей и характер персонажей.

Наиболее яркое отражение распространённых фонетических особенностей шведского разговорного стиля можно обнаружить в романе М. Бахтиари «Называйте, как хотите», при этом писательница также использует в своём произведении черты диалектов провинции Сконе.

Одним из наиболее частотных приёмов, относящихся к разговорному стилю, является использование авторами различных усилительных слов и приставок, при этом количество отдельно стоящих усилительных слов превышает количество лексических единиц с приставками. В каждом из произведений также встречаются разнообразные прагматические частицы, типичные для шведского разговорного языка.

Наибольший процент ругательств был обнаружен в романе Саттарванди «Застывшие», однако их наличие характерно для каждого из рассматриваемых произведений. Большинство примеров присутствующей в романах обсценной лексики относится к сферам религии, сексуальности и продуктов жизнедеятельности человека.

Общим для всех произведений также является использование писателями общеупотребительной разговорной лексики и сленга.

Таким образом, использование авторами рассматриваемых произведений таких стилистических приёмов, как фонетическое написание, отражающее специфику разговорного стиля и шведских диалектов, сленга,

ругательств, разнообразных прагматических частиц и упрощённого, непоследовательного синтаксиса свидетельствует о стремлении писателей как можно более точно передать в своих произведениях реальные особенности шведской разговорной речи начала XXI в.

Заключение

Результатом данной работы стал разносторонний анализ иммигрантской литературы Швеции периода 2000-2010 гг. с точки зрения истории её формирования, тематики, стилистических и лингвистических особенностей.

В ходе исследования было сформулировано и определено понятие иммигрантской литературы, а также выведены критерии для отнесения того или иного произведения к данному течению, а именно:

- 1) Значимость происхождения и особенностей биографии писателя для читателя в процессе восприятия его творчества;
- 2) Актуализация в произведении тем, относящихся к проблематике иммиграции.

Среди основных тем творчества писателей, относящихся к данному литературному течению, были выделены следующие: тема одиночества, тоски по родине, столкновения различных культур и поиска своей идентичности. Частотными также являются мотивы двойственности существования, разочарования, попытки сохранить родную культуру и язык или переосмыслить прошлое.

В ходе исследования было выявлено, что в целом для произведений иммигрантской литературы характерна актуализация различных типов противопоставлений: большинства и меньшинства, иммигранта и бюрократических институтов, безразличия и стремления к единению и т.д.

В процессе анализа четырёх отобранных для данной работы художественных произведений было установлено, что в каждом из них содержатся те или иные темы, характерные для иммигрантской литературы Швеции. Герой романа Ю. Х. Кемири Халим противопоставляет себя обществу и стремится сохранить родную культуру и язык, но в итоге приходит к осознанию того, что его идентичность может содержать в себе элементы как арабской, так и шведской культуры. Герой произведения А. Л.

Венгера Фелипе ощущает двойственность своего существования и сталкивается с непониманием со стороны друзей из мультикультурного района, которые не одобряют его переход в шведскую гимназию в центре Стокгольма. В романе М. Бахтиари присутствует множество сцен, описывающих трудности интеграции и попытки понять другую культуру. Герои романа Х. Л. Саттарванди проводят всё своё время в мультикультурном районе Стокгольма Хагалунд, часто рассуждая о том, как общество создаёт представление об иммигрантах через конструирование образа подобных районов в СМИ.

Во второй главе диссертации была разработана классификация основных стилистических приёмов, используемых писателями в произведениях иммигрантской литературы периода 2000-2010 гг.:

- 1) Использование элементов мультиэтнического языка молодёжи.
- 2) Использование особенностей интерязыкового варианта шведского языка.
- 3) Использование особенностей нормы шведского разговорного языка, в том числе сленга, ругательств и диалектальных составляющих.
- 4) Использование идиолектов, свойственных исключительно героям рассматриваемых литературных произведений.

В третьей главе диссертации были проанализированы особенности мультиэтнического языка молодёжи, нашедшие отражение в изучаемых произведениях. В ходе исследования было установлено, что данный вариант шведского языка является стилем или регистром, сознательно используемым молодыми людьми, проживающими в мультикультурных районах крупных шведских городов. Среди основных мотивов употребления элементов данного регистра были определены, в частности, следующие:

- 1) Гордость за своё происхождение, маркирование принадлежности к другой национальности или культуре.

- 2) Маркирование принадлежности к определённой социальной группе, а именно подросткам из мультикультурного района большого города.
- 3) Демонстрация способности смело выходить за рамки нормы языка и создавать новые слова и выражения.
- 4) Демонстрация смелости, «крутости» и нежелания быть похожим на других.
- 5) Игра на стереотипах в отношении особенностей шведского языка, на котором говорят иммигранты в мультикультурных районах.
- 6) Выражение протеста против общества, которое из-за внешнего вида, имени, родного языка и происхождения выделяет говорящего в отдельную категорию.

В ходе исследования было выяснено, что язык героев рассматриваемых произведений конструируется писателями исходя из мотивов, аналогичных вышеперечисленным.

В результате анализа лексических, грамматических и синтаксических особенностей мультиэтнического языка молодёжи в настоящем исследовании был сделан вывод о том, что Ю. Х. Кемири и А. Л. Венгер используют в своих произведениях его гиперболизированную форму, создавая тем самым искусственный вариант шведского языка.

Так, к наиболее ярким стилистическим приёмам, к которым прибегает в своём романе «На красном глазу» Кемири, относится использование прямого порядка слов и большого количества новообразованных лексических единиц и фразеологизмов. Частотность употребления прямого порядка слов у Кемири достигает практически ста процентов – в романе присутствует лишь один пример использования грамматически корректного порядка слов, что, скорее всего, является случайностью. Абсолютное большинство модифицированных автором фразеологизмов подвергнуто лексико-грамматическим изменениям, при этом количество аппроксимаций в незначительной степени преобладает над контаминациями.

Особенности мультиэтнического языка молодёжи также использует в своей новелле «В своих мыслях» А. Л. Венгер. В качестве базового стилистического приёма писатель так же, как и Кемири, выбирает использование прямого порядка слов, который преобладает над обратным в соотношении шестьдесят один к пятидесяти трём. Ещё одним ярким приёмом является употребление Венгером элементов мультиэтнического сленга и ругательств. В меньшей степени писатель прибегает к использованию различных грамматических отклонений от нормы (так, в романе присутствует всего пять случаев употребления слов в неверном роде).

При передаче диалогов на мультиэтническом языке молодёжи в романе «Называйте, как хотите» М. Бахтиари в первую очередь использует его грамматические особенности. Среди отклонений в области грамматики преобладают случаи ошибочного употребления объектной формы местоимений (тринадцать) и спряжения глаголов (семнадцать). По сравнению с произведениями Венгера и Кемири, Бахтиари в меньшей степени использует мультиэтнический сленг и в большей – заимствования из английского языка.

К использованию прямого порядка слов и грамматических ошибок не прибегает в своём романе Х. Л. Саттарванди. В качестве основных стилистических приёмов писатель использует обценную лексику как шведского, так и мультиэтнического языков, а также сплошной текст, отражающий ход мыслей главного героя в сочетании с прямой речью, выделенной курсивом.

Переключение кодов как Кемири, так и Бахтиари в большинстве случаев отражают при помощи перехода от несоответствующей норме шведского языка речи к фонетически, грамматически и синтаксически корректному варианту.

Рассмотренные в третьей главе лингвистические особенности интерязыка находят отражение в речи героев романа М. Бахтиари «Называйте, как хотите» Амира и Пантэи, уровень владения шведским

языком которых находится на относительно невысоком уровне. Самыми частотными в данном контексте являются фонетические отклонения, в меньшей степени в речи героев присутствуют такие грамматические ошибки, как, например, употребление слов в неправильном роде. Примечательно, что в языке Амира и Пантэи практически полностью отсутствуют случаи употребления прямого порядка слов.

Предметом заключительной главы диссертации являются фонетические, лексические, грамматические и синтаксические особенности разговорного стиля шведского языка, нашедшие отражение в рассматриваемых произведениях иммигрантской литературы.

Различные особенности фонетики разговорной речи последовательно отражает в своём произведении Бахтиари, используя для этого фонетическое написание. В меньшей степени данным приёмом пользуются Кемири, Венгер и Саттарванди. Специфической чертой романа «Называйте, как хотите» также является отражение фонетических особенностей диалекта провинции Сконе.

В ходе данного исследования было установлено, что каждое из рассматриваемых произведений содержит широкий спектр разговорной лексики, включая сленговые выражения и ругательства. Одним из наиболее частотных приёмов, которым пользуются авторы, является использование так называемых усилительных слов и приставок, характерных для шведского сленга, при этом количество случаев употребления отдельно стоящих усилительных слов превышает число лексических единиц с приставками. Общим для рассматриваемых произведений также является наличие различных прагматических частиц, характерных для разговорного стиля шведского языка.

Наибольший процент ругательств в рассматриваемых произведениях относится к сферам религии, сексуальности и продуктов жизнедеятельности человека. Самая высокая частотность употребления единиц обценной лексики была обнаружена в романе Саттарванди «Застывшие», при этом

ругательства выполняют в данном произведении разнообразные грамматические функции.

В произведениях Венгера, Саттарванди и Бахтиари также были обнаружены примеры, отражающие особенности синтаксиса разговорного стиля. К ним относятся различные виды эллипсов, повторы, разрывы, использование коротких предложений и фраз и т.д. Так, повторения являются одним из наиболее частотных приёмов, который использует в своём романе Саттарванди.

Анализ языка рассматриваемых произведений позволяет сделать вывод о том, что при помощи комбинации различных стилистических приёмов и лингвистических средств авторы создают уникальные варианты шведского языка, являющиеся отличительной чертой иммигрантской литературы периода 2000-2010 гг.

Результаты данного исследования, охватывающие исторические, лингвистические и стилистические особенности иммигрантской литературы Швеции могут быть использованы в преподавании различных теоретических и практических аспектов шведского языка, литературоведения и стилистики.

Приложение

Биографические справки об авторах и краткое содержание анализируемых произведений

- Ю. Х. Кемири, «На красном глазу» (*Jonas Hassen Khemiri, "Ett öga rött"*):

Юнас Хассен Кемири родился в 1978 г. в Стокгольме, его мать – шведка, а отец родом из Туниса. По замечанию самого писателя, с раннего детства он говорил с семьёй на арабском, французском и шведском языках. Кемири изучал экономику и литературоведение в Стокгольме и Париже, а также некоторое время жил и работал в Нью-Йорке. Его дебютный роман, «На красном глазу» (2003), стал в Швеции бестселлером и был переведён на многие языки. Кемири также является автором таких романов, как «Монтекор», «Я звоню своим братьям» и «Всё, чего я не помню», за который он получил литературную премию имени А. Стриндберга.

Роман «На красном глазу» написан от лица подростка по имени Халим, родители которого иммигрировали в Швецию из Марокко. Лишившись возможности изучать в школе арабский язык, Халим начинает вести дневник, который отражает его попытки обрести себя, наладить отношения с отцом, пережить смерть матери и найти своё место в жизни.

- А. Л. Венгер, «В своих мыслях» (*Alejandro Leiva Wenger, "Borta i tankar"*):

Александр Лейва Венгер родился в 1976 г. в Чили и в девятилетнем возрасте переехал с родителями в Швецию. В 2001 г. вышел его дебютный сборник под названием «В нашу честь», частью которого является новелла «В своих мыслях». Герой произведения – подросток по имени Фелипе, который переживает конфликт, связанный с необходимостью выбора между «старой» жизнью в мультикультурном районе и возможностью учиться в престижной гимназии в центре Стокгольма. Друзья Фелипе унижают его и заставляют изменить его девушке Юлии, а также грабят её дом.

- Х. Л. Саттарванди, «Застывшие» (*Hassan Loo Sattarvandi, "Still"*)

Хассан Лу Саттарванди родился в Тегеране и в трёхлетнем возрасте переехал с родителями в Швецию. На данный момент он является автором двух романов: «Застывшие» (2008) и «Осада» (2011), а также одним из сценаристов фильма «Быстрые деньги», снятого по книге Й. Лapidуса.

Дебютный роман Саттарванди «Застывшие» повествует о нескольких днях из жизни молодых людей из района Стокгольма Хагалунд, в течение которых ничего не происходит. Герои рассуждают о своём положении в обществе и один из них, Саладин, пытается убедить друзей в том, что стигматизированный образ «иммигрантского района» конструируется при помощи того, что говорят о нём представители среднего класса и СМИ, что этнос и национальность являются в данном контексте менее определяющими понятиями, чем классовая принадлежность.

- М. Бахтиари, «Называйте, как хотите» (*Marjaneh Bakhtiari, "Kalla det vad fan du vill"*):

Марджане Бахтиари родилась в 1980 г. в Тегеране и в настоящее время живёт в Мальмё. Она изучала журналистику и социальную антропологию и является автором двух романов: «Называйте, как хотите» (2005) и «Ты можешь сказать «шибболет»?» (2008).

Сквозным мотивом дебютного романа Бахтиари являются представления людей о культурной и этнической идентичностях. В центре повествования стоит иранская семья Ирандуст, живущая в Мальмё. Отец семейства пытается сохранить родную культуру, мать – больше узнать о Швеции, а их дочь Бахар совмещает в себе элементы обеих культур. В ходе повествования Бахар знакомится с молодым человеком по имени Маркус, мать которого очень увлечена мультикультурализмом, а бабушка – националистическими идеями. Большая часть повествования посвящена их отношениям, в романе также присутствуют истории других персонажей.

Список литературы

- 1) Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
- 2) Беликов В. И., Крысин Л. П. Социоллингвистика. М.: РГГУ, 2001. 436 с.
- 3) Вахтин Н. Б., Головкин Е. В. Социоллингвистика и социология языка: учебное пособие. СПб: Гуманитарная Академия, 2004. 335 с.
- 4) Вейбуль Й. Краткая история Швеции. Уппсала: Бра Бэккер, 1994. 147 с.
- 5) Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: АН СССР, 1963. 253 с.
- 6) Винокур Т. Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. М.: Наука, 1980. 237 с.
- 7) Евсюкова Т. В., Бутенко Е. Ю. Лингвокультурология. М.: Флинта: Наука, 2014. 478 с.
- 8) Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А. Стилистика русского языка. М.: Флинта: Наука, 2008. 463 с.
- 9) Маслова В. А. Лингвокультурология: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.
- 10) Панькин В. М., Филиппов А. В. Языковые контакты: краткий словарь. М.: Флинта: Наука, 2011. 160 с.
- 11) Романова Н. Н., Филиппов А. В. Стилистика и стили: учебное пособие; словарь. М.: Флинта, 2012. 416 с.
- 12) Саид Э. В. Ориентализм. М.: Русский мир, 2006. 640 с.
- 13) Солганик Г. Я. Стилистика текста: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 1997. 256 с.

- 14) Стилистические исследования: на материале современного русского языка. Ред.: Левин В. Д. М: Наука, 1972. 318 с.
- 15) Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. 188 с.
- 16) Andersson L.-G. Fult språk: svordomar, dialekter och annat ont. Stockholm: Carlsson, 2004. 245 s.
- 17) Andersson L.-G. Vi säger så. Stockholm: Norstedts ordbok, 2000. 246 s.
- 18) Ashcroft B., Griffiths G., Tiffin H. Key concepts in post-colonial studies. London, NY: Routledge, 2001. 275 p.
- 19) Att odla papaya på Österlen: nitton författare om dubbel kulturell identitet. Red.: Masui A. Stockholm: Rabén Prisma, 1998. 175 s.
- 20) Bakhtiari M. Kalla vad fan du vill. Stockholm: Ordfront, 2012. 299 s.
- 21) Cassirer P. Stil, stilistik & stilanalys. Stockholm: Natur och kultur, 2003. 287 s.
- 22) Einarsson J. Språksociologi. Lund: Studentlitteratur, 2009. 403 s.
- 23) Ekberg L. Språket hos ungdomar i en flerspråkig miljö i Malmö. Lund: Institutionen för nordiska språk, Lunds universitet, 2007. 119 s.
- 24) Fanon F. Svart hud, vita masker. Göteborg: Daidalos, 1997. 205 s.
- 25) Gardner-Chloros P. Code-switching. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 242 p.
- 26) Globaliseringens kulturer: den postkoloniala paradoxen, rasismen och det mångkulturella samhället. Red.: Eriksson C., Eriksson Baaz M., Thörn H. Nora: Nya Doxa, 1999. 295 s.
- 27) Hallberg P. Litterär teori och stilistik. Göteborg: Akademiförlaget, 1992. 240 s.
- 28) Khemiri J. H. Ett öga rött. Stockholm: Nordsteds, 2006. 252 s.

- 29) Kotsinas U.-B. En bok om slang, typ. Stockholm: Norstedts ordbok, 2003. 311 s.
- 30) Kotsinas U.-B. Invandrarsvenska. Uppsala: Hallgren & Fallgren, 2005. 264 s.
- 31) Kotsinas U.-B. Ungdomsspråk. Uppsala: Hallgren & Fallgren, 2004. 184 s.
- 32) Kotsinas U.-B., Doggelito D. Förortsslang. Stockholm: Norstedts ordbok, 2004. 215 s.
- 33) Labov W. The social stratification of English in New York City. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 485 p.
- 34) Liljestränd B. Språk i text: handbok i stilistik. Lund: Studentlitteratur, 1993. 183 s.
- 35) Literary theories: a reader and guide. Ed.: Wolfreys J. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1999. 672 p.
- 36) Litteraturens gränsland. Invandrar- och minoritetslitteratur i nordiskt perspektiv. Red. Satu Gröndahl. Uppsala Multiethnic Papers, 45. Uppsala: Centrum för multietnisk forskning, 2002. 372 s.
- 37) Melin L., Lange S. Att analysera text: stilanalys med exempel. Lund: Studentlitteratur, 2000. 172 s.
- 38) Multilingual urban Scandinavia: new linguistic practices. Ed.: Quist P., Svendsen B. A. Bristol: Multilingual Matters, 2010. 252 p.
- 39) Nikolas Coupland, Style: language variation and Identity. Cambridge University Press, 2007. 209 p.
- 40) Nilsson M. Den föreställda mångkulturen: klass och etnicitet i svensk samtidsprosa. Hedemora, Möklinta: Gidlund, 2010. 228 s.
- 41) Nordand: nordisk tidsskrift för andrespråksforskning. Red.: Holmen A., Iversen Kulbrandstad L., Lindberg I. Nr. 2. Bergen: Fagbokforlaget, 2008. 148 s.

- 42) Nordlund: småskrifter från institutionen för Nordiska språk i Lund. Nr. 3. Lund: Institutionen för nordiska språk, Lunds universitet, 1983. 113 s.
- 43) Norrby C., Håkansson G. Introduktion till sociolingvistik. Lund: Studentlitteratur, 2015. 389 s.
- 44) Parkvall M. Sveriges språk – vem talar vad och var? Rapporter från Institutionen för lingvistik vid Stockholms universitet. Stockholm: Institutionen för lingvistik, Stockholms universitet, 2009. 166 s.
- 45) Pegelow E. Språk och tanke: lärobok i muntlig och skriftlig framställning. Lund: Bröderna Ekstrands Tryckeri, 1963. 265 s.
- 46) Prentice J. På rak sak: om ordförbindelser och konventionaliserade uttryck bland unga språkbrukare i flerspråkiga miljöer. Göteborgsstudier i nordisk språkvetenskap, 13. Akademisk avhandling för filosofie doktorsexamen i svenska som andraspråk. Göteborg: Institutionen för svenska språket, Göteborgs universitet, 2010. 145 s.
- 47) Revitalisera mera! En artikelsamling om den språkliga mångfalden i Norden tillägnad Leena Huss. Red.: Börestam U., Gröndahl S., Straszer B. Uppsala: Centrum för multietnisk forskning, Uppsala universitet, 2008. 242 s.
- 48) Ristilammi P.-M. Rosengård och den svarta poesin: en studie av modern annorlundahet. Stockholm, Stehag: Östlings bokförlag Symposion, 1994. 187 s.
- 49) Samtal och grammatik: studier i svenskt samtalspråk. Red.: Anward J., Nordberg B. Lund: Studentlitteratur, 2005. 328 s.
- 50) Sattarvandi H. L. Still. Stockholm: Bonnier, 2008. 228 s.
- 51) Språk och gräns/er – om språk och identitetsskapande i några skönlitterära verk. Ed.: Carlson M. Rapporter om svenska som andraspråk (ROSA), 11. Göteborg: Institutet för svenska som andraspråk, Göteborgs universitet, 2007. 138 s.

- 52) Språk på tvärs: rapport från ASLA:s höstsymposium. Södertorn, 11-12 november 2004 (ASLA:s skriftserie, 18). Utg.: De Geer B., Malmbjer A. Uppsala: Association suédoise de linguistique appliquée, ASLA (Svenska föreningen för tillämpad språkvetenskap), 2005. 292 s.
- 53) Språk, språkbruk och kön: rapport från ASLA:s nordiska symposium, Uppsala 7-9 november 1991. Utg.: Gunnarsson B.-L., Liberg C. Uppsala: Association suédoise de linguistique appliquée, ASLA (Svenska föreningen för tillämpad språkvetenskap), 1992. 376 s.
- 54) Stilstudier: språkvetare skriver litterär stilistik. Red.: Josephson O. Ord och stil. Språkvårdssamfundets skrifter, 27. Uppsala: Hallgren & Fallgren, 1996. 188 s.
- 55) Strömquist S. Vart är vart på väg? Och andra språkfrågor i tiden. Stockholm: Norstedts, 2011. 311 s.
- 56) Style and sociolinguistic variation. Ed.: Eckert P., Rickford J. R. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 341 p.
- 57) Svenska som andraspråk: i forskning, undervisning och samhälle. Red.: Hyltenstam K., Lindberg I. Lund: Studentlitteratur, 2013. 868 s.
- 58) Svenska språknämnden. Språkriktighetsboken. Stockholm: Norstedts, 2011. 413 s.
- 59) Svenskans beskrivning, 16. Förhandlingar vid sammankomst för att dryfta frågor rörande svenskans beskrivning. Linköping den 22-23 oktober 1987. Utg.: Linell P., Adelswärd V., Nilsson T., Pettersson P. A. 2 vol. Vol.1. Linköping: Universitetet i Linköping, Tema Kommunikation. 278 s.
- 60) Svenskans beskrivning, 26. Förhandlingar vid Tjugosjätte sammankomsten för svenskans beskrivning. Uppsala den 25-26 oktober 2002. Utg.: Melander B., Melander Marttala U., Nyström C., Thelander M., Östman C. Uppsala: Hallgren & Fallgren, 2004. 370 s.

- 61) Svenskans beskrivning, 30. Förhandlingar vid Trettionde sammankomsten för svenskans beskrivning. Stockholm den 10 och 11 oktober 2008. Red.: Falk C., Nord A., Palm R. Stockholm: Institutionen för nordiska språk, Stockholms universitet, 2010. 403 s.
- 62) Texten framför allt: festskrift till Aina Lundqvist på 65-årsdagen den 11 september 2003. Red.: Landqvist H., Malmgren S.-G., Norén K., Rogström L., Wallgren Hemlin B. Göteborg: Institutionen för svenska språket, Göteborgs universitet, 2003. 255 s.
- 63) Wendelius L. Den dubbla identiteten: Immigrant- och minoritetslitteratur på svenska 1970-2000. Uppsala Multiethnic Papers, 46. Uppsala: Centrum för multi-etnisk forskning, 2002. 219 s.
- 64) Wenger A. L. Till vår ära. Stockholm: Modernista, 2015. 102 s.
- 65) Whiteness and postcolonialism in the Nordic Region: exceptionalism, migrant others and national identities. Ed.: Loftsdóttir K., Jensen L. Farnham, Burlington, VT: Ashgate, 2012. 182 p.
- 66) Young R. J. C. Postcolonialism: a very short introduction. Oxford: Oxford University Press, 2003. 180 p.
- 67) Young Urban Swedish: variation and change in multilingual settings. Ed.: Källström R., Lindberg I. Göteborgsstudier i nordisk språkvetenskap, 14. Gothenburg: Department of Swedish Language, University of Gothenburg, 2011. 257 p.

Электронные ресурсы:

- 1) Migrationsverket, Historik / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.migrationsverket.se/Om-Migrationsverket/Fakta-om-migration/Historik.html> / дата обращения: 01.05.2017.
- 2) Sveriges Riksdag, Regeringens proposition nr 26 år 1975 (Prop. 1975: 26) / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://>

www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/proposition/regeringens-proposition-om-riktlinjer-for_FY0326/html / дата обращения: 25.04.2017.

3) Författare i Sverige med utländsk bakgrund, Immigrant-institutet / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.immi.se/kultur/authors/> / дата обращения: 24.04.2017.

4) Andersson K. Mormors röst hör jag tydligast / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://spraktidningen.se/artiklar/2013/06/mormors-rost-hor-jag-tydligast> / дата обращения: 01.05.2017.